

МАСТЕРА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ

КАЛЕНДАРЬ МОРЗЕ

РОМАН — ФИНАЛИСТ ПРЕМИИ «НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ»

18+

ПАВЕЛ ИЕВЛЕВ

Павел Сергеевич Иевлев
Календарь Морзе
Серия «Мастера
интеллектуальной фантастики»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67390938

Календарь Морзе: [роман] / Павел Иевлев: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-146516-2

Аннотация

«Календарь Морзе» – это книга о городе, застрявшем в безвременье. Городе, провалившемся в рутину сквозь хаос. Городе, в котором абсурд стал сутью жизни. Городе, который однажды приснился автору.

Это книга о людях одного дня. Людях согласия. Людях стабильности. Людях Сурка.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	48
Глава 5	63
Глава 6	77
Глава 7	102
Глава 8	114
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Павел Иевлев

Календарь Морзе

– Но ведь завтра когда-нибудь будет сегодня!

– Нет, никогда! Завтра никогда не бывает сегодня!

Разве можно проснуться поутру и сказать:

«Ну вот, сейчас, наконец, завтра»?

Белая Королева

– Что ты хочешь?

– Я хочу убить время.

– Время очень не любит, когда его убивают.

Чеширский кот

Но если хочешь довести

Людей до горьких слез,

Их безопаснее всего

По радио дразнить.

Г. Остер

Серия «Мастера интеллектуальной фантастики»

В оформлении обложки использована фотография из фотобанка *Shutterstock*.

Автор: *Chanclos и Alexandr Medvedkov*

© Павел Иевлев, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Паникерство

праздношатающихся элементов

– Доброе утро, город! – сказал я в поролоновую подушку микрофона.

Стрелки амплитудных индикаторов метнулись вправо-влево, а Чо`то показал из аппаратной большой палец. Мы в эфире.

– С вами «Радио Морзе» и Антон Эшерский, вместе мы начинаем этот день с музыкальной композиции группы «Свинские...», то есть, конечно, «Свинговые Ниндзи»!

...Three blind mice. Three blind mice.
See how they run. See how they run...¹

– Куда они бегут? – вещал я овервойсом. – Не важно, главное – двигаться, чтобы сбить прицел.

...They all ran after the farmer's wife,
Who cut off their tails with a carving knife...²

¹ Три слепые мышки, три слепые мышки, Смотрите, как они бегут, смотрите, как они бегут...

² Они все бегут за женой фермера, Которая отрезала им хвостики разделочным ножом...

Под развеселый свинг о трех слепых мышках Чото принес мне кружку. Кофе разбавляет скапливающийся под языком яд, пока я сплевываю его потоком сарказма в эфир.

В семь утра я как оживленный электрическим колдунством зомби с пришитой задом наперед башкой, но бежать мне, как тем мышкам, некуда.

...Did you ever see such a sight in your life,
As three blind mice?..³

– Итак, дорогие радиослушатели, – продолжил я после коды, – сегодня, как всегда, тринадцатое июля, но если бы это было, например, второе февраля, то к нам пришел бы знаменитый День сурка! Если сурок в этот день вынет голову из задницы, то увидит окружающую реальность такой, какова она есть. Впрочем, сурки на то и сурки, чтобы никогда не совершать этого подвига. Между тем настало время утреннего эфира вашей любимой передачи «Антонов огонь», на которую мы приглашаем выдающихся жителей нашего города. Предоставляем им возможность глубокомысленно мычать, краснеть и запинаться перед микрофоном.

Запустил перебивку – звук зажигающейся спички, шипение бикфордова шнура, гитарный септаккорд и зловещий го-

³ Вы когда-нибудь в жизни видели такое зрелище. Как эти три слепые мышки?

лос: «Анто-о-онов... а-а-агонь!»

Бдыщ.

– Если бы сегодня было двадцать седьмое декабря, это был бы День спасателей. Людей, которые вытаскивают залезающих в дыры, открывают двери потерявшим ключи, выковыривают застрявших башкой в заборе и отвозят к врачам засунувших в рот лампочку. В общем, злостно препятствуют естественному отбору. Встречайте в нашей студии начальника управления Стрежевской службы спасения Ивана Сергеевича Белетина!

– Здравствуйте! – Молодой, усатый и бравый подполковник улыбался, шевеля чапаевскими усами.

– Приветствуем вас в студии, и наш первый вопрос, разумеется...

– Нет! – уверенно перебил меня усач.

– Чего нет?

– Нет причин для беспокойства или паники. Вы ведь это хотели спросить?

– Вообще-то, я хотел узнать, много ли кошек вы сняли с дерева, но теперь действительно забеспокоился...

– И совершенно напрасно! – Спасатель улыбнулся еще шире и искреннее. – Ведь никаких причин нет!

– Никаких?

– Ни единой! – Улыбка достигла верхнего предела шкалы убедительности.

– И то, что город нельзя покинуть...

– Временные, незначительные трудности логистики! Да и сами подумайте, Антон... – Голос моего собеседника обрел вкрадчивую задушевность: – Зачем его покидать? Стрежев – прекрасное место для жизни! Хороший климат, красивая природа, историческая архитектура... Вот вы, Антон, здесь недавно. Скажите, вы бы захотели покинуть наш замечательный город?

Улыбка подполковника засияла так, что мне захотелось надеть сварочные очки.

– Ну что вы, Иван Сергеич, – бестрепетно соврал я в свой микрофон, – и в голову бы не пришло!

Врать в микрофон – моя работа.

– Особо отмечу полное спокойствие населения, – продолжал разливаясь медом по эфиру эмчээсник, – которому, как я уже говорил, совершенно нечего опасаться. Жаль, конечно, что сложившиеся обстоятельства препятствуют развитию туризма. Если бы не они, то Стрежев, несомненно, стал бы туристической жемчужиной страны.

– А что вы скажете насчет... – робко заикнулся я.

– Нет-нет, – строго пресек он мои поползновения перехватить инициативу, – это просто слухи.

– Слухи? – Я разрешил себе легкое сомнение в голосе.

– Слухи! Безответственные сплетни отдельных несознательных граждан.

– Значит?..

– Именно. Никакие люди нигде не пропадают. Ни единого подтвержденного случая. Заявляю со всей ответственностью – говорить о пропаже можно, только если гражданин отсутствует более трех дней. Остальное – паникерство празднующихся элементов. Человек может пойти на рыбалку, уйти к любовнице, удариться в запой, в конце концов! Оставьте гражданину право на частную жизнь!

Подполковник посмотрел на меня с таким осуждением, как будто я лично запретил ему уйти в запой на рыбалку с любовницей. Хотя пассаж «более трех дней» в наших реалиях звучит чистым издевательством.

– А...

– А никаких «пукл» не бывает! В стране со всеобщим средним образованием стыдно верить в детские страшилки! Тем более что пуклы для людей неопасны.

Поняв, что ляпнул не то, эмчезник поправился:

– В смысле, даже если верить городскому фольклору. Который, разумеется, не более чем фольклор. А ведь мы ему не верим, да, Антон?

– Нибожемой! – открестился я.

– Стрежев – комфортное и безопасное место для жизни, обстановка в городе абсолютно спокойная, так что служба спасения, как вы и сказали, в основном снимает котиков с деревьев. Замечу – успешно снимает!

Подполковник снова улыбнулся, как в рекламе зубной пасты. У меня бы рот порвался так щериться. Всегда боял-

ся слишком улыбочивых – эта демонстрация доходов стоматолога обозначает, как правило, намерение продать вам что-то ненужное. Возможно – себя.

– Ну что же, – не стал спорить я, – спасибо за интересную беседу, Иван Сергеич. Передавайте привет котикам. Их тоже ценят за то, что они умеют с необыкновенным изяществом ни хрена не делать.

Нахамил напоследок. Впрочем, этого от меня и ждут. «Харизма твоего говнизма», – называет это Анюта. Надеюсь, что в шутку.

– А на волнах «Радио Морзе» – музыка! Унылые, но про-никновенные панки *Tiger Lillies* споют вам о том, что конец уже близок, а значит, можно расслабиться. Даже если ты просрал свою жизнь – это такая мелочь на фоне конца света!

Пока из наушников брызгало музыкальным пессимизмом «Тигровых лилий»:

The crack of doom is coming soon...

The crack of doom is coming soon...⁴ —

на утренний эфир пришел целый генерал. Командующий городским гарнизоном генерал-майор Петрищев, пожилой седой вояка, суровый, как огнеметный танк «Буратино».

Он уселся перед микрофоном по стойке смирно – держа

⁴ Скоро будет Страшный суд...

прямую спину и деревянную осанку. Загнутую вверх, как взлетная палуба тяжелого крейсера «Адмирал Кузнецов», фуражку генерал пристроил на колене, терпеливо ожидая конца трека.

– Итак, дорогие радиослушатели, с вами все еще «Радио Морзе» и передача «Антонов огонь». Если бы сегодня было десятое октября, это был бы День обороны. Помните, что, оказавшись в эпицентре ядерного взрыва, солдат должен держать автомат на вытянутых руках, чтобы расплавленный металл не капал на казенные сапоги! А как у вас со скоростным надеванием противогаза? Напоминаю: норматив на «отлично» – семь секунд, «удовлетворительно» – десять. Что сидите? Время пошло! А пока вы там сопите в гофрированный шланг, мы тут побеседуем с нашим главным военным! Здравия желаю, товарищ генерал!

Я показал ему на микрофон.

– Здравствуйте, Антон, приветствую уважаемых радиослушателей.

– Начну с самого коварного вопроса: какова военно-оборонная доктрина Стрежева? Кто потенциальный противник?

– Военную доктрину формирует общество, – строго ответил генерал, – дело армии – гарантировать ее воплощение. У нас найдется ответ любому противнику, хоть потенциальному, хоть кинетическому!

– И все же, считаете ли вы ситуацию в городе следствием внешней агрессии?

– Не исключаем.

– И как реагируете?

– Согласно устава. Путем поддержания постоянной боевой готовности войск, совершенствованием уровня военно-профессиональной подготовки личного состава, его физической выносливости, слаженности экипажей, расчетов, подразделений, частей и органов управления для выполнения боевых и других задач в соответствии с их назначением...

– А боевой дух? – перебил я его. – Высок ли?

– Нас не смутит даже десант шотландских парашютистов!

– О, вы за словом в карман не лезете!

– Как говорят у нас в армии, – сурово двинул седыми бровями офицер, – «Если генерал молчит – то это портрет генерала!»

– И что же, личный состав не жалуется на некоторую... э... неопределенность ситуации?

– В армии можно жаловаться только на короткий срок службы! – напомнил мне генерал. – Однако, поскольку увольнение в запас приостановлено до прекращения режима чрезвычайной ситуации, повода для жалоб нет.

– А у нас режим? – удивился я.

– Разумеется. При отсутствии связи с командованием вскрываются конверты с приказами, и гарнизон действует в соответствии.

– А если ситуация так и не изменится?

– Если ситуация не меняется достаточно долго, она перестанет быть чрезвычайной... – философски заметил Петрищев. – Но мы готовы ко всему! Со всей решительностью и применением любых военных средств, имеющихся в нашем распоряжении.

– А какие средства... – начал было я.

– А вот это – военная тайна! – пресек мои поползновения командир гарнизона. – Не сомневайтесь, достаточные. Не зря вскормила нас Родина своей стальной сиськой!

Clean your rifle, polish your boots,
Learn to give the correct salute...⁵ —

вяло не любили в эфире военную службу *Chumbawamba*, пока я прощался с генералом.

– А у вас тоже люди пропадают? – спросил я его.

– В армии нет слова «пропал», – веско ответил военный, – в армии есть слово «проебали»...

– Чото, я уезжаю, эфир на тебе! – сдал я дела ассистенту.

– Почему ты называешь меня этим странным именем?

– Оно тебе подходит. Был такой... хм... известный коллега с популярного радио... – сказал я, надеясь, что Чото никогда не узнает, откуда я взял это прозвище ⁶.

⁵ Чисти свою винтовку, полируй сапоги, Учись правильно козырять...

⁶ Чото – дрессированный зверек радиодиджея Раби Рэй Рана в компьютерной

– Ксения грезит о коитусе в «лексусе», а у Жени жопа застряла в «пежо», – декламировал он речевую разминку, готовясь к эфиру, – мерчендайзер в коворкинге харассил коуча краудфандинга на аутсорсе...

Серьезный человек, работает над собой. Не то что я.

Наступало время дневного выпуска новостей, а мне было пора на свидание.

В машине постоянно включен приемник, и с парковки я выехал под бодрые позывные «„Радио Морзе“ – максимальная помехоустойчивость!» – морзянка, переходящая в музыкальную коду.

«...На „Радио Морзе“ время новостей, и с вами Женя Продулов. Утром вышло новое обращение главы мэра города...»

Омайгод! «Главы мэра»! А остальная часть мэра где была?

Чото славился своими залепухами, но я как заслуженный обладатель черного пояса с розовыми помпончиками по классическому пофигизму относился к этому снисходительно – девяносто девять процентов слушателей ничего не заметят. Люди никогда не слушают, что им говорят.

«...Обращение было посвящено проблемам личной безопасности, которую он обещал всемерно обеспечивать. Как выразился наш мэр: „Мы не будем позволять всяким гражданам сомневаться!“

А теперь к другим новостям! – ...Уборщицы туалета устроили дуэль на ершиках из-за того, что посчитали друг друга пуклами, девушки решили поиграть в проституток и проиграли, боявшийся воды студент преодолел свой страх и утонул, мужчина на мосту умолял инопланетян забрать его отсюда...»

В кафе я успел заказать себе чай и пролистать то, что в Стрежеве незаслуженно величают интернетом. Анята явилась с дежурным опозданием в двадцать минут, но Аняте можно. Аняте можно все. Когда она вошла с полуденного солнца в темный зал и, сняв зеркальные очки, застыла на пороге, сердце мое привычно замерло, пропустило пару тактов и сменило ритм.

Запомните, дорогие радиослушатели, – нет ничего глупее и унизительнее безответной влюбленности.

– Привет, Антон! Долго ждал?
– Как всегда, Анята, как всегда. Что заказать?
– Чего-нибудь вредного, калорийного, вкусного, и побольше! – Господи всемогущий, ну разве она не совершенство? –

Я не успела позавтракать!

Официант был уже тут как тут, улыбаясь ей так, что еще немного, и уголки рта сойдутся на затылке.

Всем нравится Аня. Кажется, что в нее влюблен весь город. Это невероятно бесит. Начинаешь понимать парадоксальную привлекательность тотального геноцида. Впрочем, даже если мы останемся последними людьми на свете, то все равно будем «просто друзьями».

Так что сначала я не стал бить официанта головой об стол, потом не стал коленом ломать нос, потом не врезал ему по яйцам и не начал топтать упавшего с криком «Чего лыбишься, ушлепок?». Просто продиктовал заказ, чтобы он свалил на кухню и вынул свои глаза из Аняного декольте, пока я не вынул их из глазниц вилкой.

– Как дела, Аня? – спросил я самым светским тоном, который возможен при одновременном мысленном расчленении трупа бензопилой. – Каковы медийные тренды дня?

Аня Трубная, помимо работы в городской многотиражке «Стрежевский вестник», подвизается региональным стрингером⁷. У нее авторская онлайн-газета «Аняны глазки», где в качестве верхней картинки вставлены те самые «глазки» – две башни Саурана с горящим глазом из фильма

⁷ Это, внезапно, не тот, кто носит стринги, а журналист, не входящий в штат какого-либо издания.

«Властелин Колец». Если навести курсор, то левый подмигнет. Провинциальный веб-дизайн, бессмысленный и беспощадный.

Анюта выворачивает наизнанку городские секреты, бичует местные пороки, талантливо высмеивает региональное начальство, волком выгрызает провинциальную коррупцию и местечковое кумовство. Она хочет сделать мир лучше. С юными прекрасными девушками это бывает.

Кого-нибудь другого давно бы убили, но на нее ни у кого рука не поднимается.

– В городе опять пропадают люди! – сказала она, очаровательно нахмурившись.

– Главспасатель категорически отпирается. Утверждает, что это просто запой.

– У кого?

– У всех.

– Чушь! Это моя новая тема, я ее работаю!

– Так что, фермеры отменяются? А я уже настроился... Птички, комары, навоз, сеновал... Природа!

– Тебе бы только сеновал... – засмеялась Анюта. – К фермерам мы поедem, но не раскатывай яйца, Антон. Никакого сеновала не будет, вечером вернемся.

– Яйца подкатывают, раскатывают губы, – покачал я укоризненно головой. – Журналист должен быть точен в формулировках!

– Ты совмещаешь занятия, а я объединила термины.

Я – добровольный помощник, водитель и телохранитель. Мы друзья. Анюта – отличная подруга, с ней хоть на бал, хоть на рыбалку. Но я хочу жениться и детей – прекрасных белокурых малышек с ее божественно синими, с темным ободком, глазами, – а ее устраивает дружба и секс без обязательств.

Что-то не то у нас с гендерными ролями.

Официант принес мясо, подав его с таким видом, будто отрезал с собственной задницы. Ненавижу. Аня откромсала ножом кусок стейка и вцепилась в него ровными белыми зубами.

– Про фермеров надо писать. Мэрия их игнорирует, потому что область, губернатор... Ну, ты понимаешь.

Анюта досадливо сморщила задорный курносый носик с крошечным гвоздиком пирсинга – губернатор оставался неприступен для прессы.

– Скорее всего, ничего интересного ты там не найдешь. Ну, за исключением сеновала, конечно.

– Люди должны знать правду, какой бы скучной она ни была! – убежденно заявила Анюта.

И разумеется, мы поехали.

Глава 2

Форматы межкультурных диалогов

– Доброе утро! С вами «Радио Морзе» и Антон Эшерский! Мое имя неудачно рифмуется, но фамилия обещает многогранную личность.

Сегодня снова тринадцатое июля, и мы всего два дня не дотянули до Всемирного дня навыков молодежи! Навыков удивляться очевидному, наступать на все грабли, считать свою жизнь бесконечной, придавать огромное значение ерунде и верить, что мир готов отдаться, но тебе как-то лень. Дорогу молодым! Жизнь сама себя не просрет!

– А теперь музыка! На волнах нашего эфира незамысловатая песенка *Love Me or Die* в исполнении «Спикизи свинг-бэнд». «Люби меня или сдохни» – мощное заявление, я бы не смог поставить вопрос так резко!

Я закурил, что категорически запрещалось правилами, пожарнадзором и владельцем радиостанции. Всегда так делаю.

Некурящий Чото смотрел неодобрительно, но кофе принес. Я присосался к чашке, как голодный весенний клещ к ноге, – не выспался этой ночью.

После наших вчерашних сельскохозяйственных приключений Аня, то ли проникнувшись моим героизмом, то ли устав глядеть в мои голодные глаза, пригласила вечером «подняться попить чаю», хотя могла и распрощаться у подъезда.

И, разумеется, язык мой – враг мой.

– Ань, наши отношения... – да, я дебил. Сам же себе запретил разевать пасть, и что?

Я говорил, что безответная влюбленность глупа и унижительна? Так вот – безответная любовь еще хуже.

– Не начинай, Антон! – Аня убрала голову с моего плеча и отодвинулась. – Сейчас ты скажешь много ненужных слов, чтобы задать глупейший вопрос – почему я тебя не люблю, да?

– Да, – не стал говорить много ненужных слов я.

– Антон, ты умный, талантливый, симпатичный, храбрый, веселый, у тебя красивая задница...

– Блин, это была моя реплика!

– И у нас отличный секс...

– Так, сейчас будет какое-то «но»...

– Ты злой.

– Я злой? – Я сел на кровати и машинально начал искать сигареты, которые от соблазна оставил в прихожей. Закуривать после секса – пошлейшая банальность. – Злой, Аня, он такой же, как добрый, только честный...

– Ты презираешь людей, Антон. Наверное, тебе есть за что, – Аня тоже села на кровати, подтянув одеяло к подбородку. – Но если я тебя полюблю, то быстро стану такой же. А я не хочу быть злой. Мне к форме носа не идет.

Очень хотелось проблеять что-нибудь жалобное типа «Я же не такой», «Да я изменюсь!», «Зато я люблю котят и тебя!» – но немислимым усилием воли я сдержался. Не стал унижаться еще больше. Тем более что к котяткам я равнодушен.

Пока у Анюты никого нет, у меня есть надежда. А когда она найдет своего доброго принца, я его тайно и жестоко убью. У нее будет повод порыдаться на дружеском плече, а у меня снова появится шанс. Женщины в трауре смягчают сердцем.

Шутка. Наверное.

С Анютой мы познакомились в столице. Она заканчивала магистратуру журфака, а меня пригласили прочитать спецкурс для будущих военкоров, работающих в горячих точках. Сейчас мою фамилию вряд ли кто-то вспомнит, а тогда я переживал свои пять минут славы. Военная часть в одной далекой пустынной стране попала в окружение бармалеев ровно на следующий день после того, как я прилетел туда делать репортаж. Разблокировать ее сразу не получалось из-за военно-политической обстановки, и ситуация несколько

дней была из разряда «Да, мы все тут умрем». Я с автоматом в руках цинично нарушал профессиональную этику военного журналиста. Знал, что статус некомбатанта меня точно не спасет, а «калашников» – может быть. Каску «ПРЕССА» надевал только на записи стендапов ⁸, потому что для бармалейских снайперов она означала «Стрелять сюда». Не любят они публичности. Скромные такие ребята.

У меня был спутниковый телефон с интернетом, ноутбук и камера, я писал репортажи в перерывах между обстрелами, стряхивая с тачпада поднятый минометами песок, индекс цитирования моего издания подскочил до небес, а мой твиттер за пять дней набрал четыре миллиона подписчиков. Потом прилетели волшебники в голубых вертолетах и показали бармалям такое бесплатное кино, что у всей округи попкорн на зубах хрустел. Отличные вышли кадры под финальные титры.

В общем, когда мой бывший однокурсник, оставшийся при кафедре, пригласил меня прочитать спецкурс на тему: «Как бы так написать о войне, чтобы не отстрелили яйца», я еще числился в знаменитостях. У меня был роскошный загар, красивый свежий шрам над левой бровью (в вертолете приложился о закраину люка) и даже памятная медалька – ничего не значащая, но блестящая. Я интересно расска-

⁸ Это не только эстрадный жанр, но и вид репортажа, когда ты светишь в камеру своей испуганной харей.

зывал, смешно шутил и отлично держал аудиторию. Я был неотразим. В меня влюбились все девочки курса и даже пара мальчиков.

Все, кроме Анюты, в которую влюбился я.

Мир, сука, несправедлив.

Когда Анята вернулась после выпуска в родной город, я уехал за ней.

Трек закончился, и я схватился за микрофон, как за пистолет:

– Сегодня, разумеется, тринадцатое июля, но, если мы представим, что на улице второе октября, то сможем отметить День отказа от насилия. Общество может существовать без насилия так же успешно, как человек – не какая. Природа неизменно берет свое, но все делают вид, что это кто-то другой им в штаны навалил...

При слове «фермер» сама собой возникает картинка эталонного реднека с Оклахомщины, в джинсовом комбинезоне и соломенной шляпе, единоличного владельца кукурузных полей, обрабатываемых его мордатými сыновьями и мексиканскими нелегалами. Разумеется, ничего подобного мы вчера за городом не нашли.

Вполне приличная асфальтированная дорога, пролегающая меж засеянных чем-то сельскохозяйственным полей,

привела нас к двухэтажному кирпичному дому с вывеской «Правление». Решительная Анюта огляделась в пустом коридоре и, увидев дверь с табличкой «Председатель», тут же, не стуча, ее распахнула.

Мужик, сидящий за столом, был одет в тот удивительный, не встречающийся более нигде *сельский* пиджак – который носят на майку в комплекте с тренировочными штанами. Я огляделся в поисках *картуза* – и нашел его на подоконнике. Образ стал цельным.

Председатель был лысоват, полноват, на носу его красовались очки в дешевой пластиковой оправе... В общем, ему не хватало только химического карандаша, чтобы его слюнявить, так что приходилось грызть колпачок одноразовой шариковой ручки. На столе лежали какие-то амбарные книги и китайский калькулятор с большими кнопками.

– Вы кто такие, граждане? – сурово спросил он. – Видите, я занят!

– Онлайн-газета «Анютини глазки»! – выпалила Анюта. – Я Анна Трубная и...

– Онлайн какой-то... – буркнул Председатель. – Это всякие сайты-хренайты? Не, этого мы не знаем. И вас, гражданочка, не знаем тоже. Идите отсюда подобру-поздорову.

– Я журналистка! – возмутилась Аня. – И имею право на получение информации!

– Хренации, – отмахнулся мужик, – право-лево... А ты кто таков будешь?

– Антон Эшерский, «Радио Морзе», – представился я.

– Серьезно? – просиял Председатель. – Тот самый пиздобол с радио? Чо ж сразу не сказал-та? Слушаем тебя, а как же! У жены на кухне постоянно ваше радио-хренадио!

Вот она, слава мирская.

– Так бы и сказали, что с радио, мы ж со всей душой! – распинался он. – У нас секретов нету. Слушай, а пошли ко мне, а? Тут два дома пройти. Там и поболтаем, и пообедаем заодно!

– Да неловко как-то... – начал отговариваться я.

– Хреновко! – Председатель уже напяливал картуз. – Меня жена из дому выгонит, если узнает, что тот самый пиздобол с радио был, а я его не привел.

Председательский дом оказался солидным, бревенчатым, крытым красной металлочерепицей, с резными наличниками вокруг вызывающе белых на этом фоне пластиковых окон. На окне сидел серый кот, под окном бродили пестрые куры, на привязи пасся телок, в сарае наверняка откармливали порося. Крепкое хозяйство, и жена соответствующая – с могучей задницей, уравновешивающей при ходьбе монументальную грудь. Женщина-ледокол, неожиданно мило смутившаяся, узнав, что я «тот самый, с радио».

– Да что же ты, дурень, не предупредил-то! – стыдила она

мужа, мечась по кухне. – У нас и на стол поставить нечего!

При этом стол стремительно заполнялся какими-то мисками, плошками, кастрюльками и тарелками со снедью. В центр его была торжественно водружена чугунная сковорода жареной картошки, такая здоровенная, что я ожидал выхода к обеду каких-нибудь семи богатырей, но вышел только кот, да и тот, похоже, сытый.

Никаких отговорок типа «Да мы не голодные» она принципиально не слышала, наваливая нам в тарелки от всей широты души и подкладывая добавку, как только мы отвлекались на разговор. Вздохнув, выставила на стол графинчик, многозначительно посмотрев при этом на мужа. Я отговорился тем, что за рулем, а Анюта – тем, что вообще не пьет, но повеселевший Председатель успел набулькать себе полстакана, прежде чем графинчик был незаметно убран.

– Да что там! – весело рассказывал нам этот руководитель сельской администрации. – Колхоз – он колхоз и есть! Фермеры-хренмеры – это все вытребеньки. Земля – она коллектив любит! Ежели у тебя сто гектар картохи – хоть ты какой хренмер будь, а сам ее не уберешь...

– И как вам теперь живется? – спросила его Анюта.

– Да лучше всех, спасибо Губернатору, – покосился на нее хитрым глазом Председатель, – так ему и передай – очень мы ему благодарны.

– Губернатору? – насторожилась Аня. – А что Губернатор?

– Губернатор – наше все! – торжественно ответил тот. Раз-
ве что по стойке смирно не встал. – Природе-то оно поровну
– тринадцатое-хренадцатое, июля-хренюля. Ты картохи на-
садил – она и прет. Ты ее собрал, опять насадил – она об-
ратное дело прет. Помидора опять же – хоть каждый день
ее сгребай. То было как – осень-хреносень, зима – хрен ма,
весна – хрен на, а теперь оно совсем наоборот выходит! По-
нимать же надо! Закрома-то не резиновые! А в городе – мар-
кет-хренаркет, у него турецкая помидора лежит. Вкусу в ней
никакого, но гладкая и кажин день сама заново на полку ло-
жится. *Респавнится*, как младший мой говорит. Не хотят они
нашу помидору брать, а у нас солярка-хренярка, трахтор гол-
ландский, каждый ремешок к нему столько стоит, что хоть
вешайся на нем.

– А Губернатор? – подсказала ему Аня.

– А Губернатор, дай бох ему здоровья, гайки-то им по-
прикрутил! Хрена вам, говорит, барыги-хреныги, поддержи-
те отечественного производителя!

Председатель еще долго распинался насчет экономики
сельского хозяйства. Он, неведь с чего, решил, что Аня ра-
ботает на Губернатора, и всю выражал верноподданниче-
ские чувства, но ее интересовало другое.

– Говорят, люди у вас пропадают? – поинтересовалась она
как бы между прочим.

– Кто говорит? – моментально напрягся Председатель.

– Народ! – веско сказала Аня.

– Народ, хрен ему в рот... – неожиданно зло ответил он. – Народ вам наговорит... От Маринки муж сбежал – сразу: ох, люди пропадают! А не надо было его сковородкой по голове лупить, от такого кто хошь пропадет! Молодежь в город катается, приключений искать – опять же: ой, кровиночка запропала! Забухала твоя кровиночка! В общаги по девкам в окно лазит! Так и скажите Губернатору – никто у нас не пропадает! Наваety это все!

– А пуклы? – Анята нацелилась на него диктофоном. – Про них что народ говорит?

Председателяева жена ойкнула и в испуге прикрыла рот ладонью.

– Хренуклы! Мы тут хренундой не занимаемся! Пашешь, сеешь, не бухаешь? Да будь ты хоть луноход на батарейках, похрен нам!

– А как же...

– Пора уже возвращаться вам, вечереет, – резко свернул разговор Председатель. – Не надо тут вечером шляться, это вам не город... Приятно было познакомиться, счастливого пути!

Он буквально выставил нас на улицу, и мы побрели к оставленной у правления машине.

– Можно я тебя буду теперь называть «пиздобол с радио»? – ехидно осведомилась Анята.

– Что, завидно?

– Ой, подумаешь, – отмахнулась она. – Это было забавно.

Но мне не хватает фактуры...

Она сделала несколько снимков поселковой улицы телефоном.

– Так, – заявила Аня решительно, когда мы дошли до машины, – уезжать рано. Мне нужна молодежь, причем в естественной среде обитания. Есть же здесь какой-нибудь клуб?

Я попытался объяснить Ане разницу между тем, что подразумевает под словом «клуб» она, и что – сельские жители, но не преуспел.

– Наплевать, мне нужна информация.

– Аня, – замялся я, – в силу древних и освященных веками традиций, визит городских в сельский клуб является приглашением к межкультурному диалогу в формате, к которому мы можем быть не готовы.

– Антон, твои опасения представляются мне чрезмерными, – ответила Аня мне в тон, – времена социального антагонизма между городом и деревней прошли.

Мне бы ее уверенность. На мой взгляд, что сам клуб – небольшой домик с облезлыми псевдоколоннами, что контингент – чередующий папиросы с семечками, были вполне посконными. Но Аня бестрепетно прошла внутрь, и мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

Сказать, что на нас смотрели, – это сильно преуменьшить. На нас откровенно и настойчиво *пялились*. Аня очень кра-

сивая, и на нее пялятся везде, но тут воздух просто дымился от взглядов. Ну или кто-то, несмотря на запрещающие таблички, курил втихаря. Музыка была не совсем кошмар – просто очень громкая и с паршивым качеством. А так – обычная попса. На большом телевизоре крутился клип к совершенно другой песне, большие колонки похрипывали на басах. Сельские жители возраста от пятнадцати до тридцати перетаптывались в чем-то вроде танца, двигаясь неизящно, но удивительно синхронно, как детали одного механизма. Движения их были совершенно одинаковы, что создавало немного зловещее впечатление.

А вы знаете, дорогие радиослушатели, что танец – это сублимация и имитация совсем другой физической активности? Сначала люди, громко ухая, прыгали с кремневыми копьями, изображая, что охотятся на мамонта. Вскоре мамонты, не выдержав идиотизма этого зрелища, вымерли. Теперь люди принимают причудливые позы под музыку, изображая секс. Опасаюсь за секс. Но здесь, вдали от модных веяний, танцевали как перед набегом на соседнее племя. Со сжатыми кулаками, топая и хэкая.

Кажется, Анята представляла себе сельский клуб как-то иначе, но смутить ее трудно. Буквально через десять минут она уже с кем-то болтала у стола, изображающего барную стойку. О чем именно – я разобрать не мог. Прислонился к стене и старался быть как можно менее заметным, пригля-

дывая за общей обстановкой.

Сначала все шло нормально – Аня спрашивала, улыбалась, снова спрашивала, что-то записывала в блокнот, меняла собеседников, была очаровательна и неотразима, как всегда. Но потом я заметил, как кто-то начал, украдкой показывая на нее пальцем, что-то шептать на ухо лидеру компании довольно агрессивно выглядевших ребят. Этот шептун был явно старше большинства здешних посетителей и, закончив свое дело, сразу ушел. Зато его визави начал, поглядывая в нашу сторону, разговаривать с остальными.

– Ань, нам пора, – мне пришлось почти орать ей на ухо.

– Я еще не закончила...

– Поверь мне, нам действительно пора, – сказал я, глядя на то, как часть молодых людей, кидая на нас внимательные взгляды, выходит из клуба, а часть приближается, блокируя другие выходы.

Нас встретили на улице, примерно на полдороге к машине. Было уже совсем темно и удивительно безлюдно. Их было пятеро, и задохликами они не выглядели. Много физического труда на свежем воздухе и здоровое калорийное питание.

– Слышь, городской! – сказал их фронтмен. – А спорим, я тебя с одного удара положу?

Он был не самым крепким из этой компании и не выглядел особо умным. Непонятно, почему он за альфу.

– Спасибо, не интересуется, – ответил я спокойно, задвигая

Аню себе за спину.

– Чо, ссышь, когда страшно, городской? – ухмыльнулся парень.

Я неопределенно пожал плечами – что-то в их поведении не вязалось с типичным уличным наездом, была какая-то фальшь. Но бежать было некуда, и звать на помощь некого.

– Говорили вам – езжайте, нечего вам тут делать! Говорили же? – Он упорно заводил себя.

Вот что неправильно – нет в нем куража, с которым начинают такие базары. Непривычно ему и неловко.

– Интересуетесь, куда люди пропадают? – Он уже почти довел себя до нужной кондиции, но все же ему было почему-то ссыкотно. – Ходите тут, вынюхиваете, выспрашиваете... Может, вы вообще – пуклы, уж больно гладкие!

Ему уже пора было меня бить, это важный момент – когда начать драку, но он чего-то тянул.

– Тут вас искать некому! Тебя в силосную яму, а пуклу твою...

– Что, пейзаинин, перековать тебе орало? – помог я ему решиться. Надоели эти неловкие предварительные ласки.

– Ах ты... – именно этого ему не хватало. Какой-нибудь моей реакции, любой.

Он размахнулся и изо всех сил врезал мне в ухо – то есть врезал бы, если бы я не пригнулся, пропуская удар, и не отработал ему прямой встречный. На самом замахе, на выдохе – так, что дышалку ему заперло, он начал валиться на зем-

лю, пытаюсь вдохнуть, но я поддел его крюком с левой, заставив разогнуться, и проводил в нокаут двумя хуками в челюсть. Надеюсь, их деревенский стоматолог так плох, как я себе представляю. Пусть помучается.

Им бы кинуться на меня вчетвером, но, лишившись лидера, колхозаны растерялись.

– Но... как? – выпучил глаза здоровый рыжий парень. – У него же талант!

– Хренант, – сказал я и пнул его по яйцам, добавив кулаком по затылку, когда тот согнулся.

Опасный удар, так и убить можно, но я был очень зол. Минус два, осталось трое.

Я решительно шагнул вперед – левый хук, правый, нелепая попытка поймать меня на встречный, пинок в колено – кто держит вес на прямой ноге, деревенщина? Ничего, пара месяцев в гипсе – и связки срастутся. Нос, глаз, снова нос, уже коленом, локоть в переносицу – рефери тут нет...

– Стой, стой, Антон, хватит! – тьфу, Анята уже меня оттаскивает. Ох уж эти женщины – никогда не дадут повеселиться. Я, может, весь день мечтал кому-нибудь врезать...

– Хватит, мне нужен кто-то в сознании! У меня есть вопросы! – ну, так бы сразу и сказала.

А потом я, видите ли, «злой»... Пойми этих женщин.

– Итак, это «Радио Морзе», и мы все еще в эфире. Передаем привет нашим сельским слушателям! Если бы сего-

дня было семнадцатое февраля, они могли бы отпраздновать День спонтанного проявления доброты. В этот день надо подкараулить кого-нибудь и нанести ласки, поцелуи или иные насильственные действия, причиняющие физическую радость. Вломить пользы, отвесить доброты или причинить счастья – до наступления каких-либо позитивных последствий средней и меньшей тяжести...

Следующая песня – *Rock It For Me* от электросвингеров *Caravan Palace!*

...All the «bad boys» want some brawl, it's tricky
And girls enjoy, they feel so lucky...

– Ребята поют нам о том, что все плохие мальчики любят подраться, и, черт побери, девочкам это нравится!

Глава 3

В бессмысленном круге общественных ритуалов

– Сегодняшнее музыкальное утро мы начинаем с доброй лиричной песенки под названием *Shut up* в исполнении *Little Violet*. «Заткнись» от «Маленькой фиолетовой»!

...Shut up
It's time for me to do the talking
Shut up...⁹ —

Перевести это можно примерно: «Заткнись, ты всех уже достал», но, конечно, с нежным женским вокалом все звучит намного романтичнее...

Чото принес мне кофе.

– Кто у нас на первом эфире?

– Малдер... – недовольно сказал он.

– Опять?

Персонаж, представляющийся «мастер-уфолог» и требующий, чтобы его называли исключительно Малдер, всегда был с изрядной придурью, а по нынешним обстоятельствам

⁹ Заткнись! Моя очередь говорить! Заткнись!

стал и вовсе несносен. У нас с ним была редкая взаимность чувств: я считал его никчемным болваном, он меня – заносчивой сволочью. Возможно, мы оба были правы.

– Святые инопланетяне, за что мне это! Ладно, гони уродца в эфирную.

Длинный и нескладный, с волосами, завязанными в конский хвост, худой и плохо выбритый Малдер был визуально негигиеничен, и после него всегда хотелось помыть стул. Одетый во что-то камуфляжное и не очень чистое, он как будто только что вылез из своей любимой канализации. (Никогда не понимал, почему инопланетян надо ловить в каких-то говнах, но ему, безусловно, виднее.)

Кофе я ему не предложил – много чести. Я кофе за свои деньги покупаю. В отличие от киношного Малдера, наш не имеет ни должности в ФБР, ни желания работать в принципе. Зато готов выпить и съесть все, что ему предложат. И то, что не предложат, тоже.

Чото показал на часы и воздел указательный палец – минута до эфира. Я водрузил на голову наушники, дослушал музыку до тишины и потянул ползунки на пульте.

– Вы все еще на волне «Радио Морзе», с вами Антон Эшерский и программа «Антонов огонь». Если бы сегодня было не тринадцатое, а второе июля, то мы отмечали бы Все-

мирный день НЛО и выстригали круги на полях, подавая сигналы кораблям рептилоидов. Хотя у нас тут и без рептилоидов весело.

– Итак, сегодня в нашей студии Вла...

– Малдер! – перебил недовольный тарелкер. – Называйте меня Малдер! Это важно!

– Как скажете! Встречайте – Неагент Батькович Малдер, уважаемый в узких кругах специалист по всему непознанному, что не вошло в школьную программу пятого класса.

– Здравствуйте, уважаемые радиослушатели...

Малдер, в девичестве Вова, говорил быстро, невнятно, глотая слоги, брызгая слюной, но так убежденно и горячо, что аудитории нравилось. Во всяком случае так думали наши рекламодатели. На мой взгляд, нес он какой-то болезненный бред, но у меня специфический ракурс.

– Надо полагать, уважаемый Малдер, у вас есть собственное мнение о том, что случилось с городом?

– Разумеется!

– Итак, что же это? Происки КГБ, происки ЦРУ, тайный эксперимент безумных ученых, планетарная катастрофа или мы все умерли и попали в ад? – привел я свежий хит-парад самых популярных версий от околоподъездных бабок.

– Ну что вы говорите, какие спецслужбы? – демонически расхохотался уфолог. – Уж я-то, поверьте, имел с ними дело!

Ага, точно, имел, мне рассказывали. Когда влез в колодец с кабелем ФСО, и его прихватили там за задницу. Побывал в застенках (минут сорок), пострадал за правду (получил административный штраф), проникся еще более железной уверенностью, что Власти Скрывают.

– Люди слишком зашорены! – торжественно провозгласил Малдер.

– Так просветите нас!

– Смотрите сами! – Он поднял вверх левую руку, демонстрируя траурную кайму под обгрызенными ногтями, и начал загибать на ней пальцы: – Во-первых, из города нельзя выбраться и в него нельзя попасть. Во-вторых, все время один и тот же день. В-третьих, пропажа людей. В-четвертых – пуклы... Это же очевидно!

Мне не было очевидно, о чем я и сообщил. Малдер посмотрел на меня со снисходительной жалостью, как на ребенка-дебила.

– Искажения пространства-времени, похищения людей – это же классическая картина Контакта! Старшие братья по разуму изучают наше поведение в условиях изоляции, проводят эксперименты, выбирают достойных.

– А пуклы?

– Я сказал – достойных! – отмахнулся уфолог. – Остальные – так, массовка. Я бы даже сказал – биомасса.

А ведь некоторые считают злым и высокомерным меня...

– К сожалению, – вздохнул Малдер, – даже сейчас люди пытаются жить в своем обывательском мире. Топчутся в бессмысленном круге общественных ритуалов. Как будто ничего не случилось! Как будто работа, семья, деньги все еще имеют значение!

Ну да, ни работы, ни семьи, ни денег у него отродясь не было.

– Цепляются за отжившие товарно-денежные отношения! За неравенство и несправедливость! За дискриминацию, наконец! Те, у кого нет денег, вынуждены вкалывать на тех, у кого они есть! Как будто ценность человека зависит от его работы!

Малдер считал себя «криптоанархистом» – нигде не работал и жил на подачки, объявив это «борьбой с системой». Пребывая в полной уверенности, что его обязаны содержать просто потому, что это справедливо, он приворовывал продукты в супермаркетах и принципиально не платил за квартиру.

Впрочем, теория «несправедливого распределения общественных благ в городе» имела и других, более серьезных приверженцев.

– И что же вы предлагаете?

– Мы должны раскрыть свое сознание Мировому Разуму!

Отбросить условности, навязанные нам Системой! И, как только мы сделаем это, они явят себя Человечеству!

– И что будет дальше? – скептически спросил я. – «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный»?

– Да, именно! Вы поняли! Как вы хорошо сказали, Антон. «Пусть никто не уйдет...»

Цитата ему, конечно, была незнакома. Глупо ожидать от Малдера, что он читал какие-нибудь книги, кроме «Синей»¹⁰. «Букварь, вторая и синяя». Впрочем, я давно заметил, что в Стрежеве почему-то никто не улавливал культурных контекстов.

Чото из-за стекла показал мне на часы, и я быстренько закруглил беседу:

– Благодарю вас за интересный рассказ, думаю, мы с вами еще встретимся в этой студии, а на сегодня наше время вышло. Кстати, дорогие радиослушатели, шестого сентября был бы День похищения инопланетянами. Это праздник людей настолько ненужных, что их последней надеждой осталась тарелочка. Подойдите к зеркалу, посмотрите – вот вы бы такое похитили?

Я поменял местами ползунки на пульте, запуская перебивкой тему из «Секретных материалов».

– Слушай, Антон, – преодолевая себя, неловко начал Мал-

¹⁰ Проект «Синяя книга» – систематические исследования сообщений о неопознанных летающих объектах, проводившиеся ВВС США в середине XX века.

дер, – а не мог бы ты, случайно...

– Взаимы не дам! – решительно отмахнулся я. – Во-первых, не отдашь, а во-вторых, не надо цепляться за отжившие товарно-денежные отношения. Открой сознание Мировому Разуму. Он подаст.

...And girls they want to have fun
Oh girls just want to have fun... —

джазовый кавер на Сидни Лопер объявлял городу, что девочки просто хотят повеселиться. К сожалению, не все. Некоторым в это утро приперло явиться ко мне на эфир.

– Итак, в эфире снова программа «Антонов огонь»! Если бы не вечное тринадцатое июля, сегодня могло бы быть четырнадцатое апреля, по народному календарю – «Марья – пустые щи». Женщины, умоляю – осваивайте кулинарию! Иначе запомнят вас, как ту Марью: «Ольга – жидкий чай», «Алёна – слипшиеся макароны» или «Анна – оладьи-не-взошли». Представляете, как обидно будет? А в нашей студии очаровательная гостья – Аэлита Крыскина! Она расскажет, как кулинарно поразить гостей, как обратиться к мужчине через его желудок и каким ножом разделать лобстера, если вам не повезет встретить его в темном переулке...

Чото запустил в студию женщину с фигурой фитнес-воб-

лы и лицом до того пафосным, что некоторые принимали это за красоту. Генетическая примесь дружбы каких-то народов делала ее внешность скорее оригинальной, чем приятной, но ее *талантом* было неотразимое умение себя подать. Дама издавала глянцевого, как спинка таракана, журнал «Недоступное наслаждение». Слухи о том, что оба этих слова – не про нее, в медиатусовке ходили, но такие слухи всегда о ком-нибудь ходят.

Журнал ее был федеральной франшизой, предназначенной для выкачивания денег из жен региональных чиновников. На его страницах клубился брильянтовый дым сладкой столичной жизни, к которой можно было приобщиться через представленных там рекламодателей. Бренды и бутики, платья в жемчугах и туфли в блестках, вычурная мебель и пошлые драпировки – к моменту, когда провинциальная мадам наконец-то вырвется в столицу на шопинг, она должна быть морально подготовлена. В ожидании этого светлого часа предлагались местные услуги – маникюрши и визажисты, фитнес-тренеры с героическим торсом и выпуклым пахом, тримминг для собачки и куафер для интимных мест. Мадам Крыскина монетизировала псевдоэлитарность, продавая рекламные площади. На ее визитке красовался уродливый феминитив «редакторка», но она имела каприз представляться журналисткой. Вела себя фамильярно и игриво, намекая на «профессиональную солидарность», хотя на самом деле у

нас был рекламный бартер на полполосы.

Скрип кровати, томный вздох и полный глубокого физиологического удовлетворения женский голос: «Журнал “Недоступное наслаждение”! Доступно только для вас!» – прокрутил я положенный по договору рекламный ролик и включил микрофон Крыскиной.

Когда столичные соблазны для Стрежева стали неактуальны, она пустилась во все тяжкие и дошла до такого днища, как кулинарный раздел. Сомневаюсь, что мадам смогла бы приготовить яичницу, не ободрав маникюр со сковородки тефлон, но рассуждать о *качестве потребления* ей это не мешало. «Ведь вы этого достойны», «для тех, кто понимает», «умение выбирать лучшее» и прочие заклинания из арсенала дорогого потреблятства сыпались из нее легко и непринужденно.

Я не вслушивался в это щебетание и не сразу понял, что хитренькая Аэлита пытается впарить через наш эфир незамысловатую рекламку ночного клуба «Граф ГолицынЪ», называемого в народе «Поручик Ржевский». Мол, именно там вы обретете то, чего вы достойны. Судя по репутации кабака, скорее всего, это будет триппер.

– Но, разумеется, встретить настоящего мужчину, которо-

го вы достойны и который окружит вас заботой и комфортом, можно не везде, – нагнетала Крыскина, – уровень всегда соответствует статусу! Активный поиск – вот что вам нужно! Сходите, например...

– ...На сельскую ярмарку! – переключил я вещание на свой микрофон. – Где как не там вы встретите настоящих мужиков, соль земли, только что из-под трактора! Они в полной мере оценят ваши кулинарные фантазии и предоставят для них самые свежие и натуральные продукты. На этом мы прощаемся с Аэлитой Крыскиной, с вами был Антон Эшерский и передача «Антонов огонь».

Я запустил музыку и снял наушники.

– Ну, Антон! Я тебе этого не прошу! – сверкала глазами пролетевшая мимо рекламных денег Крыскина.

– Размещение рекламы на «Радио Морзе» – через соответствующий отдел, вторая дверь налево, – сообщил я ей равнодушно. – Приятно было повидаться, заходи еще.

– А как же журналистская солидарность? – Аэлита приняла эффектную позу и надавила на меня всей мощью своего таланта. Где-то в альтернативной Вселенной я пустил слюни, глазки мои затуманились, Крыскина представилась мне небожительницей, спустившейся с вершин гламурного Олимпа, я забился в судорогах раскаяния, пустил слезу и позволил ей все...

Но в этой реальности плевать я хотел на ее сомнительное

обаяние.

– Еще раз попробуешь пихнуть джинсу¹¹ в эфир – больше в студию не войдешь, – сказал я самым скучным своим голосом, – вот тебе и вся солидарность, Крыскина, удачи в продажах.

– Девушкам надо как-то выживать, – пожалала она плечами, ничуть не смущаясь.

– Иди в «Поручика», покрутись на шесте, там любят экзотику. Напихают чего-нибудь в трусы. Возможно, даже денег.

– Козел! – обиделась Крыскина. – Антон – гондон!

Скучно, дорогие радиослушатели. Я на такое еще в школе отвык обижаться.

Она гордо удалилась, цокая высокими каблуками. Я посмотрел ей вслед – нет, задница определенно так себе. Сиськи неплохие, а задница не очень. В «Поручике» и получше есть. Харассмент¹², мизогиния¹³, объективация¹⁴ – и все в одном взгляде. Учитесь.

– А в нашем эфире песенка Каро Эмеральд, которая пря-

¹¹ «Джинса»: на журналистском сленге – скрытая реклама.

¹² *Харассмент* – любое поведение мужчины, которое женщина решит считать оскорбительным. Например, не обращать на нее внимания – это харассмент игнорированием, а обращать – харассмент домогательством.

¹³ *Мизогиния* – крайне нелепое предположение, что женщины, возможно, являются женщинами.

¹⁴ *Сексуальная объективация* – возмутительное мужское предположение, что с данной женщиной теоретически возможен секс.

мо заявляет: «Я найду этого мужчину!»¹⁵ Мужчину, разумеется, при этом никто не спрашивает...

...Ooh, I'm gonna find that man
You bet ya, I'm gonna find that man...

¹⁵ *Caro Emerald – That Man.*

Глава 4

Контекстуальный дуализм социального мироустройства

– Вы все еще на волне «Радио Морзе», и с вами Антон Эшерский. Если бы сегодня было пятое мая, это был бы Всемирный день общения и, одновременно, День шифровальщика. Так Мироздание намекает, что общаться куда проще, чем понять друг друга...

Между тем у нас час живой музыки и Мартын Менделев, встречайте!

Зачем жестокие родители назвали своего щуплого черноглазого еврейского сыночка Мартыном, я даже предположить не могу, но печаль от этого факта осталась на его носатом лице навечно. Возможно, именно поэтому он вместо традиционной скрипочки выбрал гитару. Мартын виртуозно играл, делал роскошные каверы на популярные песни и неплохо пел, имея голос не очень сильный, но приятного тембра. Увы, в городе его артистическая карьера достигла своей вершины – лабуха все в том же кабаке «Граф ГолицынЪ». Он был определенно достоин большего, но музыканты тоже хотят кушать.

Мартын устроился с гитарой на стуле, взял пару аккор-

дов, чтобы я выставил микрофоны, и заиграл Talk Dirty – его собственный джаз-клезмер-кавер на известную песню. Удивительно, в какой пронзительно бодро-грустный еврейский мотив он превратил этот унылый негритянский попс...

...Been around the world, don't speak the language
But your booty don't need explaining
All I really need to understand is when you, you talk dirty to
me...¹⁶

Вся вековая скорбь еврейского народа смотрела на нас глазами-маслинами из этих простых слов в исполнении Мартына, но я не вслушивался в текст, я смотрел на девушку. Мне никогда не удавалось уловить момент ее появления, но, играл ли он в студии или выступал на сцене, в какой-то момент оказывалось, что Менделеву аккомпанирует некая барышня. Сегодня она была в легком синем платье до колен, в простых туфельках на небольшом каблуке и белых гольфах, а играла на альтовой скрипке. Лицо ее, как всегда, закрывали длинные темные, выющиеся волосы, взлетающая со смычком рука была украшена пестрыми браслетами. Играла она так же великолепно, как Мартын, – они составляли идеальную исполнительскую пару, ведущую сложную импровизацию как один человек, которым, в некотором смысле, и были.

¹⁶ Объехал весь мир, не зная языка, Но это не требует объяснений. Все, что мне надо понимать, – ты ведешь грязные разговорчики... *Poison – Talk Dirty to Me.*

Менделев играл мелодию за мелодией, переходя от бодрого свинга к тяжеловатым блюзовым квадратам, но везде альт вел безупречную партию, то солируя, то уходя на второй план и выпуская вперед гитару. Я молча наслаждался – это был чистый восторг, хотя аудитория радио наверняка предпочла бы что-нибудь попроще. Но попроще он в кабаке вечером сыграет, а тут пусть оттянется.

Увы, все хорошее быстро кончается, и я, дождавшись коды, вывел свой микрофон на пульте вверх. Оттарабанив бодрое «С вами „Радио Морзе“!», запустил рекламный блок. Он начинался с рекламы «Графа Голицына», который и башлял Мартыну за выступление. «Не падайте духом! – возопил неестественно бодрый голос. – Мир – это зеркало! Иногда в него надо просто плюнуть и растереть!»

– Была? – грустно спросил Менделев, когда я отложил наушники.

– Была, – подтвердил я.

– Флейта?

– Скрипка, альт. Было круто.

– Эх... – Главная драма его таланта была в том, что сам он девушку увидеть не мог, – стоило ему потерять сосредоточенность на исполнении, как она немедленно исчезала. Никакие технические средства ее тоже не фиксировали, и в эфир у нас шла, к сожалению, одна гитара – эффект аккомпанемента проявлялся только вживую. «Граф ГолицынЪ»,

кстати, этим вовсю пользовался, Мартын был у них за главного (после сисек) завлекателя публики, услаждая посетитель в паузах между пьянством и блядством.

– И как она сегодня? – спросил он тоскливо.

Я описал, приукрашивая, как мог. Менделев сидел, уныло повесив свой шнобель, и вздыхал. Глупо быть влюбленным в фантом, порожденный собственным мозгом, но, если вдуваться, по-другому и не бывает.

– Ах да, – спохватился он, – чуть не забыл!

Порылся в гитарном кофре и выудил цилиндрический бумажный сверток:

– Фишки! От нашего кабака вашему радио.

– Ю-хху! – донеслось из-за стекла. Это Чото исполнял танец изголодавшегося по стриптизу самца лесной макаки. Мартын смотрел на него скептически – он-то стриптизерш каждый день без грима видит. Стриптиз – всего лишь монетизация того, что у некоторых людей есть деньги, но нет сисек, а у некоторых – наоборот.

«Граф ГолицынЪ», он же «Поручик Ржевский», являлся средоточием провинциального стрежевского порока. Ночной клуб – а точнее, кабак со стриптизом, казино и *нумерами* – размещал у нас рекламу, экономно расплачиваясь не деньгами, а фишками казино. Не знаю, почему рекламщики на это соглашались, – может, кто-то из них без ума от ру-

летки. Эти фишки распределялись в коллективе более-менее по совести, циркулировали на радио как внутренняя валюта, на них спорили, за них оказывали мелкие услуги, на них выменивали рабочее время и благосклонность девушек из бухгалтерии. Я свою долю честно ходил пропивать. Садился за столик, заказывал виски, а надо мной трясли филейными частями стриптизерши. Одиноким импозантным мужчиной с бутылкой сначала представлялся им перспективным клиентом, сиськи мне чуть ли не в тарелку складывали, но потом поняли, что человек ходит просто надираться, – и отстали. Можно было спокойно поужинать – там жарят неплохие стейки. На стриптиз я, правда, насмотрелся до тошноты – но это все равно веселее, чем пить в одиночку дома.

– Возвращаясь к вам после рекламы, напоминаю, что вы слушаете «Радио Морзе», самое конкретное радио на свете, а на ключе дежурит Антон Эшерский. У нас по-прежнему тринадцатое июля и вечный четверг, но если бы сегодня отчего-то случилось четырнадцатое ноября, то это был бы День политолога! Политологи – авгуры нашего времени. По полету Твиттера и внутренностям Фейсбука они дают смутные толкования очевидного и не могут смотреть друг другу в глаза без смеха.

Если вы хотите знать правду – не слушайте их, слушайте меня. Вот вам мой прогноз: «Все будет примерно так же, как сейчас, но все будут уверены, что раньше было лучше».

Уж это-то непременно сбудется, будьте уверены – потому что именно так идут дела последние десять тысяч лет...

В эфире зазвучала старая добрая бухгалтерная: *Was wollen wir trinken*. Старички из *Bots* предлагали накатить и добавить еще¹⁷:

...Wat zullen we drinken
Zeven dagen lang
Wat zullen we drinken, wat een dorst...

Я решил последовать совету и под их бодрое «ла-ла-ла» отбыл, оставив эфир Чото. Он гнал в эфир местные новости. Я прислушался:

– В рамках борьбы за здоровый образ жизни горожан мэр предложил сделать следующий шаг. После запрета курения в общественных местах, жилых и рабочих помещениях, за рулем, на улицах и площадях он выдвинул новую инициативу – штрафовать горожан за лишний вес!

Чото пустил в эфир диктофонную запись. Качество было не очень, но слова разбирались отчетливо:

– Лишний вес является даже более вредным, чем никотиновая зависимость, а сердечные заболевания, им вызванные, чаще приводят к ранней смерти, чем рак легких. Я считаю, что городская администрация до сих пор уделяла преступно

¹⁷ *Bots – Zeven dagen lang.*

мало внимания этой проблеме. Здоровье горожан – наша общая задача, и мы будем решать ее со всей решительностью...

«Решать со всей решительностью» – в этом весь наш мэр.

– Слышал, чего глава отжег? – выглянул в коридор закончивший выпуск Чото.

– Пламенный мудень! – согласился я.

Это был далеко не первый закидон мэра. Кроме вышеупомянутого запрета курения его осеняли и другие гениальные идеи. Как-то раз, например, его пробило на толерантность и права меньшинств. Меньшинства заявить о своих правах не спешили, на объявленный им гей-парад пришел сам мэр, наряд полиции, пара журналистов – и ни одного участника. Чиновники городской администрации спасти гибнущее мероприятие отказались даже под угрозой увольнения, идти в одиночку мэр не рискнул, боясь быть неверно понятым, так что праздник не удался.

За неимением сексуальных меньшинств пришлось переключиться на национальные. Мэр призвал нацменов пасть в его отеческие объятия. Дворники-таджики очень испугались, строители-молдаване попрятались по бытовкам, шашлычник Горгадзе вдруг заговорил без акцента. Даже управляющий городским банком Беритман на всякий случай снял кипу. Ничего не мог с собой поделат только бармен в «Графе Голицыне», будучи натуральным негром. Я тогда объявил в эфире День толерантности.

– Толерантность, дорогие радиослушатели, переводится на русский словом «терпимость». Изначально она означала легализацию проституции. Если толерантность становится политикой – это верный признак того, что вами правят бляди...

Обиженный на «блядей» мэр позвонил владельцу радиостанции. Мне припомнили мат в эфире, курение в студии, появление на рабочем месте в нетрезвом виде и другие настоящие и воображаемые грехи. Директор показательно бесновался, громко топал ногами и даже пообещал уволить. Разумеется, не уволил. Я продолжал материться в эфире, курить в студии и приходил иногда на работу поддатым, он продолжал обещать. Наступила гармония. Но мэр, говорят, на меня затаил.

Да и черт с ним...

Со Славиком Маниловым нас объединяло наглядное подтверждение факта, что мир тесен. Мы вместе учились в столичном университете – на разных факультетах, но одновременно, и были знакомы настолько, что он как-то раз пытался набить мне морду. Славик тогда был безответно влюблен в одну барышню и пребывал в совершенной уверенности, что я и есть причина той безответности. Между тем я находился в сложной этической ситуации – у меня с той барышней

ничего не было и быть не могло, потому что она была лесби, но скрывала этот факт, делая вид, что у нас роман. Мне было жалко Славика, но раскрыть ему глаза не позволяло данное барышне обещание. В общем, на какой-то студенческой пьянке Славик не выдержал и кинулся меня бить. Это была самая нелепая в моей жизни драка – по причине разных весовых категорий и несопоставимого жизненного опыта он меня побить не мог, а я его – не хотел. В результате я держал пьяного Славика за шиворот на вытянутой руке, а он пытался стукнуть меня кулаком, но не доставал, поскольку руки короткие. Когда он выдохся, я аккуратно уложил его на диван, где он и уснул. В каком-нибудь романе мы после этого должны были бы стать лучшими друзьями, но не стали.

Возможно, потому, что наутро он ни черта не помнил.

Славик учился на философском, но выучился почему-то на политолога. Наверное, это лучше оплачивалось. В Стрелькове он обретался при мэрии в ранге «guest star» – модного столичного политтехнолога. Консультировал кампанию по мэрским выборам. Они были назначены на десятое августа, до этой даты у него был контракт, так что он продолжал

числиться трудоустроенным и получал зарплату, хотя сам вопрос выборов актуальность утратил. Изображая занятость, Манилов строил какие-то «срезы общественных настроений» и сводил статистику, которая, как известно, сложный способ подсчитать что угодно так, чтобы за это заплатил

заказчик. Монетизировал цифроложество.

Это не мешало ему быть хорошим собутыльником, неглупым и остроумным. А что еще нужно одному мужику от другого, если они оба не гомосеки и не любят рыбалку?

– Привет, Адам! – поздоровался я с барменом в «Поручике». – Налей виски полста, что ли, для начала вечера...

Брякнул в тумблере лед.

– Держи, друг Антон, – черный, как калоша, негр протянул мне виски.

Адам – негр сложной судьбы. Настоящий черножопый абориген чего-то центральноафриканского, он был отправлен богатыми родителями в далекую холодную Россию изучать юриспруденцию. Наука оказалась скучна, соблазны студенческой жизни сильны, белые женщины неожиданно доступны для экзотических черных красавцев... В общем, в учебе он не очень преуспел. Потом очередной переворот на далекой африканской родине превратил его из богатого наследника в нищего сироту. В результате Адам после серии удивительных приключений попал в Стрежев, где и нашел свое место – барменом в «Поручике». Он до сих пор был слегка ошарашен как самим этим фактом, так и добротой русских людей: «Мне везде все помогали, друг Антон, представляешь?»

Я представлял. Добрый, симпатичный, улыбчивый и рас-

терьянный негр вызывал непроизвольную симпатию, как бездомный щенок. Во время долгого безденежного анабазиса по чужой холодной стране, закончившегося за стойкой этого бара, его кормили, поили, одевали, давали приют и безвозвратно ссужали деньгами все, кого он встречал. На родине его бы поди просто съели.

– Уволюсь я, наверное, друг Антон, – сказал он мне грустно.

– Что такое, Адам? – удивился я. – Тебя обижают? Только скажи кто...

– Нет, нет, – замахал он руками в ужасе, – тут все очень хорошие, добрые и дают большие чаевые. Но, понимаешь... Вот ты – из тех, кто пьет за столиком. Выпьешь, будешь говорить с другом и смотреть на женщин. Но есть те, кто пьет за стойкой. Грустные люди. Они говорят только с барменом. Им больше не с кем говорить, друг Антон. Они рассказывают свои беды мне, а мне всех жалко, я начинаю плакать!

Он украдкой промокнул полотенцем уголок глаза. Прелесть наш Адам. Вот он, Анятин Добрый Человек. Черный принц в изгнании. Надеюсь, негры не в ее вкусе.

– Не знаю только, куда идти... – вздохнул он. – У меня ж, как у латыша, – только хуй да душа.

За время своих скитаний Адам виртуозно овладел русским языком и нахватался такой идиоматики, что только диву даешься.

– Зато душа у тебя большая.

Адам подмигнул, перегнулся через стойку и сказал мне на ухо:

– На хуй тоже никто не жаловался!

– Не надо никуда уходить, Адам, – сказал ему я, – вот представь – приходят эти несчастные люди в бар, а тебя нет. И что? Нет уж, неси свой крест.

– «Неси свой крест»... Надо запомнить, хорошие слова...

Сам Адам был растаманом. Вы знаете, дорогие радиослушатели, что «Великий Джа» – это попытка дикого негра выговорить сложное слово «Иегова», а растафарианство – осмысление торопливых проповедей приготавливаемого на ужин миссионера? Распространение этого учения за пределами исторического ареала связано не с его великой религиозной силой, а с неотразимой привлекательностью идеи курить траву, слушать регги и ни хрена не делать, ожидая, пока «Джа даст нам все».

– Адам, ты слышал, что люди пропадают? – поинтересовался я.

– Слышал, друг Антон, – кивнул негр, протирая и так идеально чистые стаканы. Бармены всегда так делают.

– И что говорят?

– Некоторые недовольны, что они пропали, некоторые недовольны, что пропали не они... Знаешь, друг Антон, – вздохнул Адам, – люди постоянно чем-то недовольны.

– А пуклы?

– Все мы, друг мой, немножко пуклы...

– Привет! Уже вовсю пьешь?

– Привет, друг Славик, – поприветствовал пришедшего Адам. – Он только начал. Тебе налить?

– Конечно, Адам, как ему.

– Мы пойдем за столик, – сказал я негру, – не будем пить у стойки и рассказывать тебе грустные истории.

– Я знаю, друг Антон, приятного вечера!

– Слышал про мэрский закидон насчет лишнего веса? – спросил я Славика, ткнув его пальцем в отчетливое пуздо. – Что говорит по этому поводу твоя социология?

– Что городская власть предается безудержному патернализму.

– А я думал, идиотизму...

– Патернализм – это проекция идиотизма на электорат. Граждане обозначаются туповатыми инфантилами, которые могут только все засрать и просрать, а потом сесть на руинах государства и, громко матерясь, вымереть от пьянства.

По мнению нашего уважаемого мэра, без него горожанин будет надевать трусы на голову, нести ложку в ухо и сушить мудя в микроволновке. Поэтому он считает себя обязанным на трусах написать «жопой – сюда», к ложке приложить мануал со стрелочками, а на микроволновке написать «не для

мудей!».

– Знаешь, Славик, – сказал я, подумав, – а ведь он в чем-то прав. Средний избиратель таков и есть.

– Вот так и становятся государственниками, – засмеялся он.

– Не-не, я социал-дарвинист. Пусть каждый выживает сам. Хочет – курит, хочет – пьет... – Я отсалютовал стаканом. – Хочет – берет кредиты. На кой черт их от себя-то спасать?

– А вот это уже позиция отпетого либерала! – погрозил мне пальцем политолог. – Государственник не позволит дуракам вымирать – а кто ж тогда работать будет?

– Государственник, либерал... – поморщился я. – Если вы жрете из тарелки с говном, неважно, с какого края черпать.

– В общем, наш мэр, считающий себя прогрессивным либертарианцем, постоянно прибегает к директивному патернализму.

– А что, бывает какой-то другой патернализм?

– Конечно, – Славик с удовольствием отхлебнул из стакана, – существует либертарианский патернализм, как бы странно эти два слова ни смотрелись рядом.

– Это как?

– Директивный патернализм запрещает человеку жрать булочку, и человек возмущается. Либертарианский – манипулирует человеком так, чтобы он решил, что не жрать булочку – его собственный выбор.

– Ладно, с патернализмом все более-менее ясно, – собрался с мыслями я, – но вот что у меня не сходится... Если гражданину нельзя даже булочку выбрать – то какой он, к чертовой матери, избиратель?

– А вот в этом, – Славик поднял... нет, даже *воздел* к полтулку палец, – и состоит контекстуальный дуализм социального мироустройства...

Когда начался стриптиз и полноватые здешние дивы принялись полировать сиськами шест, Славик уже надрызгался так, что уснул, положив лысеющую голову на стол. Я, соскучившись, потряс его за плечо:

– Але, поллитролог! Может, домой пойдешь?

– Но-но! – проворчал он, не просыпаясь. – Не кантовать!

– Не гегельянить, не фейербахать, не... – и затих.

Ни я, ни охрана по этому поводу не волновались: все знали, что Славик – как Штирлиц. Сейчас он спит, но ровно через полчаса проснется и пойдет к блядам.

Может быть, стоило его вывести за шиворот (директивный патернализм) или напугать триппером (патернализм либертарианский), но я уважаю чужую свободу делать глупости.

Глава 5

Здоровье поголовья

– Мужчина украл кардан с трактора, чтобы удивить жену, артист театра пропил приз за трезвость, мэрия не разрешила митинг против пукл, потому что их не бывает, топинамбур, выращенный дачником, признан самым неприличным корнеплодом года. Это все новости к этому часу, с вами был Женя Продулов на «Радио Морзе».

...Mame kissed a buyer from out of town
That kiss burned Chicago down
So you can put the blame on Mame, boys,
Put the blame on Mame...¹⁸

В песне предлагалось проверенное решение – найти крайнего и свалить все на него. Хороший метод, главное – чтобы крайним оказался не ты...

– Доброе утро! Сегодня у нас тринадцатое июля, Антон Эшерский и программа «Антонов огонь». Если бы это было восемнадцатое, мы отмечали бы День медицинского работ-

¹⁸ Мейм поцеловала чужака не из нашего города, И этот поцелуй сжег Чикаго дотла, Так что во всем виновата Мейм, ребята, Валите все на Мейм! *Speakeasies' Swing Band! – Put the Blame on Mame.*

ника. Это люди, которые знают о вас больше, чем вы сами, и у которых есть шанс однажды посмотреть на вас изнутри.

Итак, сегодня в нашей студии – самый белый халат Стрежева, главврач городской больницы, глава департамента здравоохранения и прочая, и прочая, и прочая... Встречайте – Константин Евгеньевич Шалый!

Доктор Шалый был сед, высок и назидателен, но без белого халата выглядел слишком штатски. Половина врачебной харизмы – в униформе, вторая – в фонендоскопе. Он выступал у нас в рамках «программы лояльности» – владелец радиостанции изображал реверансы мэрии, и мне приходилось давать эфир городским чиновникам. Видимо, чтобы горожане не забывали об их существовании.

– Ну что же, Константин Евгеньевич, как здоровье поголовья? – спросил я его для затравки.

Чиновник подобен рептилии – чтобы он раскрыл пасть, в него надо потыкать палкой.

– Согласно статистике департамента здравоохранения... – завел унылую шарманку главхалат.

Оказалось, что здоровье горожан вне опасности, эпидемических заболеваний нет, больницы загружены слабо, люди почти не болеют, предусмотрительно ограничиваясь бытовым травматизмом и последствиями пьянства. Ему бы радоваться, но глава департамента, оказывается, был недово-

лен:

– Горожане недооценивают роль профилактики заболеваний, пренебрегают регулярными медицинскими осмотрами... Вот вы, Антон, – внезапно обратился ко мне главврач. – Когда вы последний раз были на медицинском осмотре?

– В военкомате, – честно признался я, – там мне приблизительно пересчитали конечности и, получив четное число, признали годным к строевой. В жизни мужчины есть место двум медицинским событиям – призывной комиссии и патологоанатому. Между ними медицине делать нечего!

– Совершенно безответственная позиция! – возмутился врач. – К сожалению, типичная. Вы даже не представляете себе, сколько опасных заболеваний может протекать до поры до времени бессимптомно!

Он посмотрел на меня, прищурившись, надеясь разглядеть коварно скрытые от медицины патологии. Я не поддался и никаких симптомов не проявил. Лежащий на столе телефон бесшумно моргнул бликером и показал на экране сообщение от Анюты, я отвлекся, а Шалый сменил тему.

Доктор был категорически недоволен тем, что горожане, пренебрегая медициной, тем не менее ходят ко всяким шарлатанам.

– Талант не заменяет медицинского образования! – вещал он. – Отдельные случаи излечения еще не означают... Вра-

чебная ответственность и систематический подход...

Да, в городе завелся свой «целитель». Специфический, но в чем-то и уникальный. Официальная медицина ревновала.

– Скажите, Константин Евгеньевич, – спросил я, – а почему ни у одного из ваших врачей соответствующего таланта не обнаружилось?

– Медицина пока не может объяснить феномен *таланта*, – врач скривился так, как будто укусил гнилой лимон, – лично я не уверен, что там вообще есть чего объяснять.

– А феномен пукл она объяснить может?

– Наше дело – людей лечить, а не ерундой заниматься! – рассердился доктор. – Людей, а не пукл, шмукл или еще каких фантомов коллективного бессознательного!

– Итак, с вами была программа «Антонов огонь» и главный врач всего на свете доктор Шалый!

Я решил, что настал момент прекратить это позорище, пока слушатели не выключили свои приемники навсегда. Городские чиновники вопиюще не медийны, как специально их таких подбирают.

...After I count down, three rounds, in Hell I'll be in good company

In Hell I'll be in good company...¹⁹

Шепелявые южане *Dead South* запели о том, что в аду мы

¹⁹ *The Dead South – In Hell I'll Be In Good Company.*

будем в отличной компании, а я прочел Анино сообщение: «Спроси его про доктора Здоровец. Она пропала». Вот нейметя ж ей...

– Спасибо за интересную беседу, – неискренне прощались мы с главмедиком, – приходите к нам снова...

(«Черт тебя принес, унылое муило...» – думал я при этом. Судя по выражению глаз, унылое муило думало что-то аналогичное про меня.)

– А кстати, что за история с доктором Здоровец? Говорят, она пропала.

– Ну вот, опять эти глупости! – возмутился Шалый. – Никто у нас не пропал! Яна Аркадьевна Здоровец не отличалась... то есть не отличается, – быстро поправился он, – коллективным духом и уживчивостью характера. Так что ее решение покинуть ряды персонала больницы никого не удивило.

– И в каком направлении она эти ряды покинула? – уточнил я.

– Не знаю и знать не хочу! – отрезал главврач. – Мне пора, до свидания!

Вот и поговорили...

«Жду в кафе на углу!» – всплыло на экране телефона, и я уступил микрофон Чото.

– Женя Пра-а-адулов и но-о-о-вести на «Радио Морзе»! – донеслось из студии его торжествующее завывание.

Пикирующий дятел.

– Пожилая женщина через тридцать лет вспомнила, что ее муж куда-то ушел, двое пенсионеров пытались украсть водонапорную башню, старик вербовал в библиотеке сторонников буквы «ё», старушка лечила суставы героином, пенсионерку приняли за пуклу и теперь обвиняют в избиении соседей лопатой...

Вот это я понимаю – активная старость!

– Так, – забыв поздороваться, накинулась на меня Анюта, не прекращая при этом наворачивать омлет с ветчиной, – я кое-что нарыла!

– Приятных раскопок, – вежливо ответил я и попытался привлечь внимание официанта.

Он проигнорировал меня и ушел в подсобку.

– Эта самая Здоровец... Кстати, что сказал Шалый?

– Что она вредная тетка, всем надоела и все счастливы, что она наконец уволилась.

– Врет! – резко сказала Анюта. – Ну, то есть она действительно хамоватая баба, но ни черта она не уволилась. Просто исчезла.

– Мало ли... – Я постучал по столу, но официант не соизволил выйти. Хрен ему, а не чаевые теперь.

– А главное, – продолжила Анюта, – все документы задним числом изменены так, как будто она никогда в этой больнице не работала! И все делают вид, что так и надо!

– Черт, неужели мне тут даже меню не дадут? – разозлился я.

– Да плюнь ты на это меню, ты меня послушай! – горячилась Аня. – Ты представляешь масштаб подчисток? Она же не один год там проработала!

– Чушь какая-то, – отмахнулся я. – Гораздо проще было бы подделать одну подпись на заявлении «по собственному».

– Вот именно! – У Ани горели глаза. – Тут какая-то серьезная тайна!

– Или твой источник брешет... – выдвинул альтернативу я.

– Я сама свой источник, – сказала она почему-то смущенно.

– А кто эта Здоровец по специализации? – спросил я чрезвычайно нейтральным тоном.

– Какая разница? Ну, заводделением гинекологии – не важно...

Как интересно... Нет, мы предохранялись, конечно, но была пара моментов... (Алкоголь создает больше людей, чем уничтожает.) Глупо звучит, но я был бы рад.

– Вот даже не думай! – обломала меня Аня.

– Не буду думать, – послушно согласился я, – от этого на лбу морщины.

– Слушай, Антон... Можешь мне сегодня помочь?

Она положила мне руку на колено, и я немедленно почув-

ствовал полную готовность. Готовность помочь, разумеется.

– Мне нужно интервью с лидером оппозиции. Но он противный и все время за задницу хватает.

– Так не ходи.

– Не могу, главред ему обещал. Сходи вместо меня, а? Я тебе диктофон дам, потом сама расшифрую...

– Диктофон у меня есть, – отмахнулся я. – Послушай, давно хотел спросить... Ты только не обижайся.

– Спроси, но ничего не обещаю.

– Почему ты вернулась в Стрежев? Тебе предлагали топовый глянец в столице, я помню. Крыскина никогда тебе не простит, что ты отказалась. Она бы убила за такую возможность. А ты выбрала муниципальный еженедельник и сайтик с региональным политконтентом. Очень мило, но очень мелко.

– Лучше быть первым в Галлии, чем вторым в Риме!

– Серьезно?

– Нет, – засмеялась она, – просто цитата хорошая.

Я говорил, что в Стрежеве никто не улавливает цитат? Анята – исключение. Она да еще Славик. Он тоже смог бы щегольнуть при случае Плутархом.

– На самом деле, Антон, я не знаю, – призналась она, – просто ощущение, что мне надо быть здесь. Что это мое место. Что этот город любит меня.

– Даже сейчас?

– Особенно сейчас. Счет, пожалуйста!

Никто не явился. Я поднялся, дошел до стойки и постучал по ней. Тишина. Я заглянул в подсобку. Там никого не было.

– Вот тебе очередное таинственное исчезновение, – сказал я Аняте, – не хочешь расследовать?

– Хватит надо мной смеяться, – отмахнулась она, – это серьезная тема. Я оставлю деньги на стойке, мне пора. Так сходишь к нему?

– Куда ж я денусь...

Анята упорхнула. Я посмотрел ей вслед и прошел на кухню. Столы были пусты, холодильники выключены, плита холодна и успела изрядно запылиться. Но кто-то же приготовил Аняте омлет с ветчиной и кофе?

Забавненько.

– ...А шестого мая был бы День Фрейда. Это человек, который рассказал нам страшную правду о бананах. Благодаря ему вы знаете, что во всех ваших проблемах виноваты секс и родители.

Ну и бананы, конечно.

Если вы *хотите поговорить об этом* – звоните в студию. Вам никто не ответит, потому что телефонный аппарат у нас кто-то спер, но, пока идут длинные гудки, вы успеете получить небольшой катарсис...

Я запустил рекламный блок и вышел в аппаратную. Чото возился с бумажками, готовя новости.

– Слушай, а ты в кафе на углу давно был? – спросил я его.

– В каком кафе на углу?

– Ну, в соседнем доме же, на углу Блаватской и Кастанеды?

– А там есть кафе?

– Оказывается, есть...

– Странно, никогда не замечал... – ответил Чото рассеянно, вычитывая какую-то распечатку, – надо зайти как-нибудь. Кофе там хороший?

– Не знаю, но обслуживание так себе...

Забавненько...

Порфирий Дидлов, лидер партии православных коммунистов, оказался шумным лысым коротышкой в криво сидящем голубом костюме и галстукe цвета «лопни мои глаза». На лацкане пиджака были приколоты комсомольский значок и серебряная иконка на булавочке. Не знаю, какое отношение его партия имеет к Христу и Марксу, но магия слова «партия» настолько сильна, что превращает в говно любые, даже самые правильные слова, поставленные после. Безотказное колдунство.

Непримиримость его оппозиции была, главным образом, в том, что он не простил мэру гей-парада. Порфирий был яростный, непримиримый гомофоб.

– Дидло`в я, так и запишите, Дидло`в, на втором слогу уда-

рение! – горячился депутат. – А не «диглдов», как эти тридцарасы из телевизора меня обзывают, как будто я хрен резиновый. Этим гомикам везде хрены мерещатся, только и мечтают, чтобы их в булки долбили. Там же одни гомосеки на телевидении, расплодил наш мэр заднеприводных! Только и делают, что в попки пердоляются. Дерут друг друга в дупла-то! В задние ворота долбятся!

Порфирий так смачно и со вкусом выговаривал все эти «булки» и «дупла», что я на всякий случай отодвинулся подальше.

– Да если бы не мы, правкомы, то в городе уже давно бы всем голубые заправляли. Оно и в Думе, между нами говоря, говномесов хватает. Присовывают в очко, а как же. Куда один пролез – там скоро все такие будут. Гомики и пуклы кругом, Антох! Ну, кроме нас, православных коммунистов, конечно. Мы за эту, как ее... традиционную семью!

Я невольно покосился на руки Дидлова – на толстых коротких волосатых пальцах не было обручального кольца, только уродливая, но массивная золотая печатка с серпом и молотом поверх креста. Крест был почему-то «лапчатый», тамплиерский.

– А все мэр, его рук дело. Сам-то он вроде нормальный – хотя сейчас от кого угодно можно ожидать, – но просто помешался на голубцах! Ну и на этих еще... пуклах. Которые тоже поди пендюрят друг друга в сракотан. Я тебе вот что

скажу, чисто между нами, – Порфирий склонился ко мне, обдав запахом лука, которым забивал перегар, – выключи-ка свою машинку, будь другом.

Я сделал вид, что выключил диктофон, – лампочка погасла, но запись продолжалась.

– Этот мудака всерьез верит, что всё пиндосы устроили!

– Что? – удивился я.

– Ну, вот это все, – депутат сделал широкий круговой жест рукой, показывая глобальность охвата. – Ждут, мол, теперь, когда мы станем достойны, – тогда они нас в Гейропу свою примут. Вот мэра и рад стараться, придумывает всякую хрень, чтоб типа как у них. Ну не дебил, а?

Депутат противно захихикал, потом придвинулся еще ближе, оглянувшись вокруг и перешел на шепот. Запах лука, перегара и какого-то ядерного одеколлона стал невыносим.

– А я вот что тебе скажу, Антоха, – слабо такое пиндосам! Пиндос нынче не тот пошел, кроме как в жопки ебстись, ни на что не годен. Это наши, Антох!

– Какие «наши»? – спросил я безнадежно.

– Ну, вообще – наши. Так-то они открыто не могут, везде засела эта шваль подпиндосная, типа мэра нашего. Пидор на пидоре, и тронуть их не смей – санкции-херанкции. А тут раз – тайный эксперимент! Не зря здесь интернета ихнего нет, в котором что ни открой – везде либо черный негрильский хрен, либо волосатая пидорская жопа.

Я не стал рассказывать депутату про таргетирование кон-

тента, только покивал понимающе – да, мол, так оно все и было в интернете этом. Жопа на жопе сидит и хреном погоняет.

А тот сел на стуле ровно, сделал пафосное лицо и жестом разрешил мне включить диктофон. Неофициальная часть, видимо, была окончена.

– Избавившись от тлетворного влияния Запада, мы должны использовать наше уникальное положение, чтобы построить новое общество на основе идеалов православия и марксизма, – важно изрек он. – И вот тогда ворота отверзнутся и пойдет отсюда в мир правильная жизнь! Ибо сказано: «Никуда не годится народное воспитание через посредство государства. Наоборот, государство нуждается в очень суровом воспитании со стороны народа!»²⁰

Депутат приосанился, гордый тем, что запомнил такую длинную цитату.

– Так и скажите на своем радио, – завершил он. – У вас то там хоть нормальные? Или тоже «лямур ля афедрон», как в телевизоре?

– Нет, – заверил я правкома, – у нас с этим строго. Ежели кто от баб из бухгалтерии нос воротит – сразу выводят в коридор и расстреливают. Из табельного степлера.

– Да? – с подозрением уставился на меня депутат. – Ну ладно тогда...

²⁰ К. Маркс.

Чото с вечернего эфира отпросился, так воровато кося глазом, что я сразу догадался куда. Потащит яйца в гнездо. Гнездо порока, разумеется – «Поручика».

Его девушка – суровая молодая леди, телосложением похожая на армейскую тумбочку, а лицом – на солдатскую задницу, держала моего ассистента в строгости, чему немало способствовали два старших брата. Братья тоже имели мебельную форму, но пропорциями ближе к шкафу, лица же им заменяли черные бороды и горбатые носы. За честь сестры братья могли зарезать, а триндюлей хлипкому ухажеру выписывали периодически просто так, чтобы не расслаблялся.

Но Чото расслаблялся все равно.

– Я тут записал вечерний новостной блок, поставишь в десять, а? – попросил он, застенчиво ковыряя ножкой пол.

– Алиби обеспечиваешь? – хмыкнул я.

Чото покраснел и начал было неумело врать про какие-то курсы, но я только рукой махнул:

– Ладно, прикрою, иди развлекайся. Только помни – если вышибала стоит чернявый, то лучше сразу домой иди. Он с братьями Марамоевыми в одну качалку ходит.

– Так вот откуда... – сразу спалился Чото. – Спасибо, Антон, я побежал!

Глава 6

Диспозиционные свойства декогерентности поляризованных фотонов

– ...А двадцатого февраля был бы Всемирный день справедливости. «Справедливость», дорогие радиослушатели, – это когда корова сдохла не у тебя, а у соседа. Не путать с «высшей справедливостью».

Вы спросите: «Антон, а что же такое „высшая справедливость“?» И я отвечу – это когда все хорошие люди собрались вместе и жестоко убили всех плохих.

Так устроен мир, дорогие радиослушатели, и не я это придумал. Но если бы этот мир придумывал я, было бы еще хуже, поверьте!

Башка трещала. Вчера вечером я поперся к Анюте, но был рассеянно отвергнут посредством домофона. Барышня не соизволила меня даже впустить. Я впал в сплин и меланхолию. Пил коньяк, сидя на скамейке в парке и наблюдая за тем, как двое подростков ловко орудуют баллончиками с краской. На стене трансформаторной будки быстро проявлялся уродливый голый человек с серой обвисшей кожей,

унылым бессмысленным лицом и несоразмерно длинными худыми руками. Ребята были не лишены художественного таланта – существо выходило на редкость отвратное.

Гадкий гомункулус сидел на корточках и жрал, отламывая корявыми нескладными конечностями куски от узнаваемой панорамы Стрежева. Жрал и то ли гадил, то ли метал икру – из его задницы сыпались такие же серые уродливые человечки. Омерзительно.

Художественную композицию завершила кроваво-красная, с потеками, надпись:

«ПУКЛУ – НА КУКАН!»

Подростки отошли, оценили результат и удалились в темные дворы. А я остался в компании мрачных мыслей и незаметно нарезался...

Утро вышло сумрачным.

...They always were afraid that I was schizophrenic...
They always were afraid что я родину продам,
А по правде я был просто маленький медведик... —

пел в эфире Gogol Bordello.—

...Сел на велосипедик и все нахуй проебал!²¹

²¹ *Gogol Bordello – Sally.*

Клянусь любимой кофейной кружкой, я забыл, что этот чертов цыган внезапно переходит с ломаного английского на чистый русский.

...Oh no, cultural revolution just begun!²²

Надеюсь, Кеширский этого не слышал. Он мне устроит «культурную революцию»...

Чото с утра не явился, сварить кофе было некому, и, пока шла музыкальная перебивка, я отхлебнул коньяку из фляжки и закурил. Стало чуть легче. Иногда я думаю, что много-вато пью. Но чаще мне кажется, что и этого недостаточно.

– А третьего октября, дорогие радиослушатели, мы бы весело отметили День трезвости! Трезвость – тяжелое алкогольдефицитное состояние нервной системы, вызванное недостатком в организме этилового спирта. Характеризуется сниженной коммуникабельностью, беспричинно ровным настроением и гипертрофированно серьезным отношением к жизни. В случае проявления клинических симптомов трезвости рекомендуется немедленное обращение в ближайший бар...

²² О нет, началась культурная революция!

Я тянул время, надеясь, что Чото объявится и избавит меня от утреннего блока новостей. Увы, вместо этого в студию явился Его Величество Владелец «Радио Морзе».

– Анто-о-он! – с порога взвыл этот представитель медийного капитализма. – Ты опя-я-ять!!!

– Что такое? – неискренне удивился я.

– Ты опять куришь в студии... – Он принялся: – И пьешь? Пьешь, да?

Я демонстративно отхлебнул из фляжки и убрал ее в карман.

– Исключительно в лечебных целях, Дрей Дреич! – поклялся я. – Купирую абстинентный синдром!

– За что мне такое наказа-а-ание? – риторически возопил Андрей Андреевич Кеширский, томный блондин в светлом летнем костюме, кашне и претенциозной белой шляпе, которую он сейчас держал в руке изящным жестом наотлет.

Сотрудники звали его за глаза «Кешью», произносясь раздельно – «кэш ю»²³, как «фак ю». Или просто «Кэш».

Мой ассистент почему-то уверен, что Кэш – голубой. Думаю, в основном из-за шляпы. Чото, невинное дитя провинции, отродясь не покидал Стрежев, произносит лакшери как «лухари» и уверен, что «метросексуал» – это тот, кто трахается в метро. Шляпа, по его мнению, – несомненный при-

²³ *Cash you* – можно с некоторой натяжкой перевести как «монетизировал тебя».

знак тайных пороков. А поскольку Кэш не заваливал на стол девок из бухгалтерии, то приговор окончательный. Ведь Чо-то на его месте не упустил бы случая.

Впрочем, даже если это и правда, то Кеширский – не какой-то пошлый гей, а настоящий боевой медиапедераст. Может скормить аудитории дерьмо так, что ложки подорожают.

– Почему в эфире опять плохие слова? – нудил мой наниматель. – Антоша, мы же договаривались!

– Ну, Дрей Дрейч... – изобразил покаяние я. – Как-то само получилось...

– У тебя всегда само! – негодовал Кеширский. – Я тебя когда-нибудь все-таки уволю! И где этот милый юноша, Евгений?

– Вышел ненадолго, – решительно соврал я. Сдавать начальству – не по-пацански. – Кофе пошел купить. За мой счет, между прочим, Дрей Дрейч! Вы еще когда обещали нам бесплатный кофейный автомат?

Жадноватый Кешью забормотал:

– Ситуация сейчас сложная... Состояние рекламного рынка... Акционеры и инвесторы... – С каждым словом он делал шаг назад и, пробормотав что-то уже совсем неразборчивое из коридора, закрыл за собой дверь.

– А третьего февраля был бы День борьбы с ненормативной лексикой! Попытка лишить человека искренности в вы-

ражении чувств. Помните, дорогие радиослушатели: где нет слова на букву «ху» – скоро исчезнет и обозначаемое им явление!

Мысленно матеря дезертира Чото, я поплелся в аппаратную за распечатками новостей.

– В эфире «Радио Морзе» и его «Новостной телеграф». За телеграфиста – Антон Эшерский. Сегодня тринадцатое июля, и это вообще ни разу не новость. А новости сегодня...

Итак, – развернул я распечатки с городского форума, – на перекрестке Чапаева и Пелевина установили светофор.

Водители недовольны – теперь их можно оштрафовать. Пешеходы недовольны – светофор без кнопки не дает троллить водителей. Жители района недовольны – светофор слишком ярко моргает. Жители других районов недовольны – светофор моргает не у них.

Вердикт неравнодушной общественности: светофор убрать, светофор переставить, светофор перевернуть, к светофору прикрутить кнопку, у светофора выкрутить лампочки и вкрутить их мэру не скажу куда.

Перед городским театром положили брусчатку.

Горожане недовольны. Во-первых, если надеть каблуки, то будет, наверное, неудобно. Во-вторых, если вдруг настанет зима, то будет, наверное, скользко. В-третьих, если на-

деть роликовые лыжи, то будет, наверное, тряско. В-четвертых – в тендере участвовал только производитель брусчатки. Надо было пригласить кондитерскую фабрику и мыловаренный завод.

Вердикт неравнодушной общественности: брусчатку снять, брусчатку перевернуть, брусчатку закатать в асфальт, брусчатку выковырять и засунуть мэру не скажу куда.

На центральном бульваре поставили скамейки.

Горожане возмущены. На них будут собираться алкоголики – это раз, под ними будет собираться мусор – это два, за ними будет собираться молодежь – это три. Скамейки слишком уродливые, слишком деревянные, слишком железные, слишком длинные, слишком зеленые и слишком дорогие – а ведь могли на эти деньги урны покрасить. Кроме того, в тендере опять не участвовал мыловаренный завод.

Вердикт неравнодушной общественности: скамейки убрать, скамейки перенести в парк, скамейки укоротить, перекрасить и заменить на более другие, скамейки разломать и засунуть мэру не скажу куда.

В парке покрасили урны.

Горожане негодуют. Урны покрасили: а – не в тот цвет, б – не той краской, в – не в то время суток, г – не те люди, д – не той кисточкой, е – лучше бы на эти деньги скамейки поставили.

Вердикт неравнодушной общественности: урны перекрасить в синий, нет, в красный, нет, в желтый, нет, в голубой, нет, в любой другой цвет. Урны поменять на скамейки, нет, на фонарики, нет, на садовых гномов, нет, на клумбы и фонтанчики, нет, переставить к проходной мыловаренного завода, нет, засунуть мэру... Ну, вы в курсе.

В общем, дорогие радиослушатели, равнодушная общественность самоудовлетворяется, как может, а я, с неослабевающим любопытством матерого натуралиста и заслуженного человекознатца, продолжаю лорнировать сей причудливый данс-макабр...

К концу новостного блока я даже начал немного сочувствовать мэру – похоже, никакого способа заслужить благодарность жителей не существовало в принципе. Все, что городская власть делала, подвергалось не менее безжалостному гноблению, чем ее бездействие. Даже странно, что при этом в городе что-то все же происходило, – я бы на их месте давно на все забил.

Пожалуй, должность «придворного политолога» Славика Манилова куда более тяжелая и вредная, чем мне казалось. Он-то все это каждый день читает. Тяжело снова и снова убеждаться, что ты окружен идиотами.

Я отложил одну распечатку и взял другую. Где этот чертов

Что?

– А теперь мировые новости! Спонсор выпуска – провайдер проводного интернета «Нет-телекома-точка-нет!»

«Евреи Марселя продали мусульманам синагогу» – спорим, эти поцы еще и должны остались?

«Фермеры Нью-Гемпшира выступили против запрета скотоложества», – веселое местечко, похоже, этот Нью-Гемпшир...

«Из лондонского секс-шопа украли три мешка фаллоимитаторов» — у кого-то сегодня будет отличный секс...

Типичная новость всегда имеет вид: «Что-то, не имеющее к вам ни малейшего отношения, случилось в месте, в котором вы не можете оказаться даже случайно, с человеком, о котором вы предпочли бы ничего не знать». Но с «мировыми новостями» история была совсем загадочная. Интернета в городе не было, только «интранет», локальная сеть городских ресурсов на серверах местного провайдера. Разумеется, внешним новостям в нем взяться неоткуда. Однако Павлик Ряпчиков, системный администратор, случайно обнаружил, что сохранившаяся в кэше страница какого-то желтушного новостного сайта иногда обновляется. Картинки оставались белыми прямоугольниками, ссылки никуда не вели, но заголовки регулярно менялись. Новости были чаще всего какие-то дурацкие, но Кеширский директивно обязал нас

пихать эту чушь в дневные выпуски. Я сначала плевался, но потом осознал сакральную мудрость – у слушателей создавалось ощущение, что мы еще не в самом безумном месте живем.

Чото подозревал, что Павлик придумывает новости сам, но я, во-первых, знал, что такое «кликбейт»²⁴, во-вторых, знал, что в журналистике даже у дна есть подвал, и, в-третьих, знал Павлика...

Павлик Ряпчиков был со школы влюблен в Анюту и, когда она вернулась в город, отчего-то воспылал бессмысленной надеждой на ее взаимность и лютой беспросветной ненавистью ко мне. С язвительной говнистостью записного тролля он начал писать про меня гадости в социалках и на форумах, выливая ведрами яд и желчь. Такое ощущение, что я стал самым ярким событием в его унылой жизни. Мне было в целом плевать, но как-то, увлекшись, он начал склонять Анюту...

«Отставной спецназовец» (фотография издалека в камуфляже с ружьем), «десантник с боевым прошлым» (натянувшаяся на гипертрофированных грудных мышцах тельняшка, лицо обрезано), «сотрудник спецслужб с полномочия-

²⁴ Заголовок, заставляющий вас по нему кликнуть, продавая пару минут вашей жизни за пару рекламных центов. Кликбейт должен классифицироваться по той же статье, что и «гоп-стоп», – когда-нибудь общество дорастет до понимания этого.

ми, которые вам даже не снились» (балаклава и темные очки), а также обладатель чат-ников «sNiPer», «0m0n0vets» и «leGi0ner» – все это он. Павлик вел активную сетевую жизнь, командуя взводом поддерживающих друг друга аккаунтов.

В реальности он предсказуемо оказался сутулым прыщавым дрищом. Внезапно убедившись, что сетевая анонимность куда более иллюзорна, чем ему казалось (в глазок надо смотреть, а не открывать всякому, кто скажет: «Доставка пиццы»), браваый сисадмин был чертовски фраппирован.

Он удалил написанные гадости, извинился, поклялся больше никогда так не делать, про Анюту забыть, не путать виртуал с реалом, а также сделать для меня все что угодно в компьютерной сети города. И я его при этом даже пальцем не тронул!

Павлик был готов стоически снести заслуженный мордобой, но мысль о том, что вся его виртуальная мультиличностная жизнь будет сметена беспощадной реальностью прыщавого онаниста (вы бы видели его квартиру!), была для него невыносима.

Теперь он активно сотрудничал с нашим радио, админил Анютин сайт, оказывал мелкие компьютерные услуги и вообще вел себя как зайчик, а я не мешал ему играть виртуальными мускулами в интернете.

А еще говорят, что я злой...

Я поставил музыку и почти уже решился сварить себе ко-

фе сам. Это было бы, разумеется, вопиющим нарушением субординации (кофе – обязанность ассистента) и техники безопасности (понятия не имею, как работает эта чертова кофемашина), но тут состоялось долгожданное явление Чото.

Мой помощник и соведущий вошел в студию слегка боком, прикрыв лицо рукой и стараясь держаться в тени, подалее от освещающих аппаратные пульта лампы.

– Чото, – сказал я ему укоризненно, – где тебя носит? Твой начальник, учитель и просто старший коллега, страдающий, между прочим, тяжелым бодуном, читает вместо тебя новости, а ты?

– А я, – прогнусавил Чото, – на свадьбу тебя приглашу. Будешь свидетелем жениха?

– Какую еще, на хрен, свадьбу?

– Мою... – мрачно ответил ассистент и повернулся к свету. Левая сторона лица его представляла собой опухший сизо-бордовый пельмень со щелочкой заплывшего глаза.

– Хороший свинг, – оценил я, – старший или младший?

– Не знаю, у меня сразу очки слетели. Но сегодня вечером я, как честный человек, иду делать официальное предложение руки и сердца девице Марамоевой. Иначе она превентивно станет моей вдовой.

– Ну, как говорится, совет да любовь! Поздравляю, – пожал плечами я. – Не вздумай назвать в мою честь первенца.

– Антон! – трагически воскликнул Чото.

Мне показалось, что он сейчас рухнет на колени, но он

рухнул всего лишь на стул:

– Антон, спаси меня!

– С какой стати? Надо смотреть, куда пиписькой тычешь.

– Я не хотел, я пьяный был, она сама! А потом говорит – ты у меня первый, честь мою похитил, теперь по закону гор... – Чото плакал, размазывая кровавые сопли из распухшего носа. – А я не хочу-у-у... Она страшная, подмышки не бреет, в постели бревно бревном, ноги кривые, волосатые. И усы-ы-ы...

– Избавь меня от интимных подробностей твоей семейной жизни! – отмахнулся я.

– Семе-е-ейной! – взвыл Чото, залившись слезами. – Семе-е-ейной, блядь! Анто-о-он! Спаси меня! Ты можешь, я знаю!

Я задумался. Став членом славной семьи Марамоевых, Чото определенно погибнет как радиоведущий. По закону гор небось радио – запаadlo. Пристроят в семейный бизнес, чтобы жену не позорил. Они, кажется, бараниной на рынке торгуют... И на кого я буду бросать эфир, когда мне надо?

Чото безутешно рыдал, сидя на стуле.

– Что дашь? – спросил я его деловито.

– Что угодно! Все, что хочешь, Антон, только спаси! – Правый глаз его зажегся безумной надеждой, левый все еще не был виден.

– Для начала кофе свари, герой-любовник...

– Сейчас! Да я... Да для тебя... – Он кинулся к кофемашине так, как будто от этого зависела его жизнь.

– Когда там у тебя сватовство-то?

– Сегодня! Сегодня в семь вечера. Как раз все соберутся... – Чото снова всхлипнул, представив себе предстоящий позор.

– Так, – распорядился я сурово, – умойся, прочисти нос, приведи себя в порядок и, ради бога, не гнусавай так! Студия на тебе, я вернусь к шестичасовому эфиру. И боже упаси тебя какой-нибудь косяк опять упороть! Я тебя тогда не то что на девице – я тебя на обоих братьях Марамоевых лично поженю! Понял?

– Да, Антон, все понял! – Чото мелко закивал, почти кланяясь. – Клянусь, все будет отлично!

Я многозначительно погрозил ему пальцем и вышел.

На шестичасовом вечернем эфире у нас был научный директор Института общезначительных проблем (ИОП), профессор, академик Маракс. Профессор оказался огненно-рыжий, бородатый, горбоносый и унылый. Лицо его обрамляли ярко-оранжевые полупейсы-полубакенбарды, отчего он напоминал грустного ирландского хасида-лепрекона. Когда я вернулся, он уже сидел в студии, листая что-то на планшете.

В коридоре меня перехватил Чото:

– Ну что, Антон, что?

– Ну как что? – пожал плечами я. – Надень костюм... Есть у тебя костюм, новобрачный?

– Есть, – послушно кивнул мой ассистент.

– Так вот, – продолжил я, – надень костюм, купи букет и иди свататься.

– Но... – На него было жалко смотреть.

– Букет купи подешевле, все равно выбрасывать... И... – задумался я: – Знаешь что... Розы лучше не бери.

– Почему? – спросил окончательно растерявшийся Чото.

– Там шипы, – сказал я веско, – не будем создавать лишнюю работу проктологу.

– Ну, Анто-о-он... Как же так?

– Чото, ты мне доверяешь?

– Ну... Да... В принципе.

– Либо доверяешь, либо сам решаешь свои матримониальные проблемы. – Я развернулся и пошел по коридору, насвистывая марш Мендельсона.

– Доверяю, Антон, как родной мамочке! – догнал меня Чото.

– Тогда костюм, букет – и вперед. Все будет... ну не то чтобы хорошо, но лучше, чем ты думаешь. Вали, меня профессор ждет.

Чото вздохнул, закатил здоровый глаз, последовательно изобразил половиной лица отрицание, гнев, торг, депрессию, принятие – и свалил наконец.

– Добрый вечер, дорогие, не очень дорогие и совсем низкобюджетные радиослушатели! С вами «Радио Морзе» и Антон Эшерский с передачей «Антонов огонь».

Если бы сегодня было не тринадцатое, а двенадцатое, и не июля, а апреля, то мы бы отмечали День космонавтики. Это, скажу я вам, необычайно круто. Люди садятся на бочку с керосином, поджигают – и летят черт знает куда, в темный ледяной вакуум. Это одна из вещей, которые оправдывают существование нашего довольно неприятного во многих отношениях вида перед Мирозданием. Именно это – готовность взлететь к небесам на струе огня, чтобы просто посмотреть, что там такое.

Поэтому на любого, кто скажет: «На фиг нам этот космос, лучше бы на эти деньги мне сортир плиткой обложили...» – я смотрю с жалостью и презрением. Эти люди не просто живут зря, они еще и хотят, чтобы зря жили все остальные. А у нас в гостях профессор, академик, астроном, математик, специалист по физике космоса – Сергей Давидович Маракс!

– Здравствуйте, Сергей Давидович!

– Здравствуйте, Антон, – ответил мне профессор довольно мрачно, видимо предчувствуя первый вопрос. Ему, надо полагать, весь мозг уже вынесли этим вопросом, но медиа имеют свои законы, а законы эти имеют нас.

– Сергей Давидович, давайте сразу покончим с неприятной частью – скажите честно, это не вы?

– Это не мы, – ответил академик, страдая лицом, – мы в Институте решаем, по большей части, теоретические проблемы космической и общей физики, у нас нет никаких сверхвозможностей, реакторов, коллайдеров, порталов в иные миры, свертывателей пространства-времени и прочих фантастических устройств. Проводимые нами эксперименты никак не могли стать причиной.

– А какие эксперименты вы проводили? – спросил я. – Ну, если это не очень секретно, конечно...

– Да какие секреты? – загрустил профессор. – Никаких секретов у нас нет... Двенадцатого июля мы, например, проводили эксперименты, проверяющие нарушение неравенств Белла. Тесты в режиме реального времени, в ходе которых измерялась поляризация запутанных фотонов...

– Э... Боюсь, некоторые наши радиослушатели могут не вполне отчетливо представлять, чему именно не равны неравенства и в чем запутались фотоны.

– Ну, сильно упрощая, – ученый закатил глаза, показывая, как его унижает такая необходимость, – мы использовали дальние астрономические источники в роли квантовых генераторов случайных чисел, чтобы подтвердить нарушение принципа локального реализма.

– И что не так с нашим реализмом?

– По крайней мере в пределах Млечного Пути локальный реализм нарушен, это можно считать доказанным.

– Все еще не очень понятно, – признался я.

Профессор раздраженно поморщился.

– Локальный реализм является предположением, что все объекты обладают «объективно существующими» значениями своих параметров и характеристик, – он выделил «объективно существующими» голосом так, как будто это было что-то мерзкое и нелепое. – Эйнштейн иллюстрировал это следующим примером: «Луна не исчезает с неба, даже если ее никто не наблюдает». Однако проведенные эксперименты опровергают это предположение.

– Исчезает? – удивился я.

– Вопрос лишен смысла, – пожал плечами профессор, – ведь наблюдать это некому. Результаты какого-либо измерения не существуют до проведения измерения, хотя это необязательно означает, что они создаются наблюдателем. Свойство Луны быть наблюдаемой на небе может быть диспозиционным.

Посмотрев в мои стеклянные глаза, он добавил:

– Луна *имеет тенденцию* быть наблюдаемой в небе, но это не значит, что она такова в текущей реальности, – чем ввел меня в окончательный мозговой ступор.

– Так, – сдался я, – давайте перейдем к более прикладным результатам ваших исследований. Ведь это вы доказали, что у нас всегда тринадцатое июля?

– Это результат элементарных астрономических наблюдений, – отмахнулся ученый, – их мог проделать любой школьник с телескопом. Точки восхода и заката, фаза луны, рас-

положение звезд...

– И как же это объясняет современная наука?

– Никак. Современная наука это никак не объясняет. Потому что это невозможно.

– Но ведь у вас, наверное, есть какие-то гипотезы, предположения...

– Разумеется, – профессор пожал худыми плечами, – сколько ученых, столько и гипотез...

– Ну хоть что-то скажите, – попросил я. – Лично вам какая гипотеза наиболее симпатична?

– Скажите, Антон, – неожиданно понизив голос, спросил он меня, – а сколько тринадцатых июля вы прожили?

– Ну... Знаете... Не могу сказать точно, – признался я.

– Тем не менее вы совершенно уверены, что вчера было другое тринадцатое июля, которое вы прожили, совершая какие-то поступки и действия, последствия которых можно наблюдать в сегодняшнем тринадцатом июля, хотя это тот же самый день, так?

– Ну... Как-то так, да... Хотя звучит как полнейший дурдом.

– Скажите, если я сейчас разобью эту чашку, – профессор показал на мою любимую кружку из «Старбакса», – будет ли она целой, когда вы придете на утренний эфир?

– Нет, конечно! – Я на всякий случай отодвинул посуду подальше. – Вы же ее разобьете!

– А если я разобью ее после вашего ухода и вы не будете

знать об этом?

– А какая разница? – не понял я.

– Вот именно, – непонятно ответил ученый, – какая разница? И как только мы поймем, какая именно, это и будет ответом...

– Послушайте, – начал раздражаться я, – кружка либо разбита, либо нет!

– Шредингер бы с вами не согласился... Состояние кружки есть волновая функция, которая сколлапсирует только следующим утром. А если следующее утро будет предыдущим?

– Шредингер – это у которого что-то случилось с котом? – блеснул я своей научной эрудицией.

– Да, – засмеялся профессор, – случилось. Или не случилось. Одно из двух.

Он подался ко мне, забыв про микрофон, и заговорил неожиданно горячо и нервно:

– Аристотель писал, что во времени всегда есть некоторое «прежде» и некоторое отличное от него «после». Именно в силу изменений мы распознаем различные, не совпадающие друг с другом «теперь». А если нет изменений, есть ли время? Видите ли, Антон, мы не знаем, есть ли время где-то, кроме как в нас, не является ли оно свойством наблюдателя, а не наблюдаемого? Не существует никакого времени на фундаментальном уровне... Так ли неправы были Юнг и Паули, сказавшие, что законы физики и сознания должны рас-

смаатриваться как взаимодополняющие? Можно ли считать весь мир одним большим эффектом декогеренции?

Если вы мечтали увидеть «безумного ученого» из комиксов, вам надо было поменяться со мной в студии. Впрочем, отпустило профессора так же быстро. Он откинулся назад на спинку стула, успокоился, лицо его озарила добрая улыбка.

– Вот о чем надо думать, Антон, – сказал он почти весело, – вот о чем...

– Если я буду о таком думать, у меня башка лопнет, – сказал я честно. – Оставлю эти размышления вам, ученым.

– Итак, в студии у нас был Сергей Давидович Маракс, человек настолько умный, что это пугает. Кстати, если бы сегодня было двадцать пятое ноября, мы бы праздновали День теории относительности – именно в этот день в 1915 году Альберт Эйнштейн представил доклад на заседании Королевской академии наук Пруссии. Я не уверен, что именно было в том докладе, но с тех пор нельзя просто сказать человеку: «Ты мудака», – а надо непременно указать по сравнению с кем. Потому что все относительно...

Пока я прощался с профессором, в аппаратную из коридора буквально впорхнул Чото. На нем был мятый грязный костюм, под вторым глазом появился многообещающий бланш. В одной его руке был букет неопределенного состава, наводящий на мысли, что им кого-то били по роже, во

второй – бутылка шампанского, открытая и почти пустая, а на исцарапанном лице – улыбка абсолютно счастливого человека. Он делал мне из-за стекла многообещающие жесты любви, признательности и намерения ноги мыть и воду пить.

Надо полагать, сработало.

– А у вас в Институте люди не пропадают? – спросил я у профессора на прощание.

Тот остановился, повернулся, пристально посмотрел мне в глаза и тихо сказал:

– Если вы обдумаете то, что я вам только что говорил, то поймете, что *люди* пропадать не могут, – он так выделил голосом это «люди», что в полутемном коридоре прозвучало зловеще.

– А пуклы?

– Это один и тот же вопрос, Антон. Один и тот же.

Профессор удалился, а я вернулся в студию.

– Как ты это сделал?! – завопил Чото, когда я зашел. – Как?!

Он кружился по аппаратной в подобии танца, размахивая бутылкой, и порывался увлечь с собой и меня. Я отстранился, но он этого не заметил.

– Йо-хо-хо, я свободен! «Я сва-абоде-е-ен! Словно птица в небеса-а-аах!» – заорал он дурным голосом на мотив Кипелова. – Я сва-а-абоде-е-ен! Словно... Словно...

– Словно жопа в огурцах, – подсказал я. – Это ты с бутылки шипучки такой счастливый?

– Антон, друг! – кинулся меня обнимать Чото. – Я пьян от счастья! Ты спас меня! Я твой должник навеки!

...Когда костюмированный Чото уныло, нога за ногу, припелся к логову семьи Марамоевых, держа в одной руке букет, а в другой – бутылку шампанского, дверь ему открыл старший брат невесты. Он сделал шаг наружу, плотно прикрыл за собой дверь, почему-то быстро оглянулся вокруг, взял потенциального жениха мощной рукой за грудки и тихо сказал:

– Уходи отсюда. Никогда не приходи больше.

– А как же...

– Сестра моя как звать забудь, понял?

Чото, не веря своему счастью, замер.

– Чего-то с левой у него удар сильно хуже поставлен... – оценил я новый фингал ассистента.

– А это и не он! – весело сообщил мой соведущий.

– Никакой свататься не будет, – добавил бородатый горец. Обалдевший от внезапной эйфории освобождения Чото потерял голову и ляпнул:

– Да я же и не хотел вовсе!

– Ах, ты не хотел, *бид аудал?!!*²⁵ – распахнулась за спиной старшего Марамоева дверь.

Слезы поверх макияжа оставили на внешности девицы Марамоевой такие же следы, какие оставляет сошедший с гор селевой поток, но крепость рук от этого не пострадала.

– Не хотел?!! – кричала она, колотя бывшего жениха букетом по морде. – *Аузунга чичайм!*²⁶

*Хьо суна кел ву!*²⁷ – выплюнула она наконец и, развернувшись, гордо ушла в дом.

Чото с расцарапанной мордой и подбитым глазом сидел на дорожке и глупо улыбался.

– Так я пойду? – спросил он осторожно.

– Уходи, – подтвердил брат. – Еще раз увижу здесь – плохо тебе будет!

И мой ассистент, подобрав зачем-то букет, пошел прочь. Походка его, чем дальше, тем больше напоминала танец удачной охоты в исполнении познавшего счастье огненной воды гурона, чему поспособствовала и бутылка шампанского, которую он, захлебываясь и пуская носом пену, выпил прямо на ходу. Вот так, приплясывая и чуть не плача от счастья, он и вернулся на работу. Хорошо, что Кешью его не видел, – непременно бы решил, что это я спаиваю молодежь.

²⁵ Тупой мудака (*чечен.*).

²⁶ В рот тебе насру! (*Чечен.*).

²⁷ Да насрать мне на тебя! (*Чечен.*).

– Как ты это сделал, Антон? – снова спросил Чото.

– «Во многия знания – многия печали», как сказал бы наш недавний гость, – внушительно ответил я.

– Как скажешь! – Ему было все равно, он был счастлив.

Глава 7

Прием граждан круглосуточно

– Доброе утро! С вами «Радио Морзе» и Антон Эшерский. Если бы сегодня было двадцать второе, к примеру, мая – это был бы Международный день биологического разнообразия.

Сравнивая утконоса, жирафа и садовый хрен, нельзя не удивляться, какими причудливыми путями природа достигает своей цели. В этот день человеку полагается беспокоиться о сокращении числа видов и бороться за тех, кого человечество, не глядя, затоптало на пути своего развития.

Вот, например, серьезнейший популяционный кризис переживает сегодня обыкновенная лобковая вошь! Коварно брошенная порнорежиссерами мода на бритый пах нанесла невосполнимый ущерб среде обитания этого уникального вида. Вперед, защитник биологического разнообразия! Создай сам свой заповедник!

Ваш личный вклад в спасение вида будет по достоинству оценен будущими поколениями, а у нас в студии сегодня снова неагент Малдер, с сенсационными заявлениями, ужасающими разоблачениями и свежими вестями от Космического Разума!

– Привет, Малдер! – сказал я фамильярно, пока уфолог пытался сообразить, при чем тут лобковая вошь (ни при чем) и не было ли это оскорбительным намеком в его адрес (было). – Как дела в глубинах Космоса? Как поживают зеленые братья по разуму?

Малдер вчера (то есть, конечно, *прошлым сегодня*) напросился на эфир, утверждая, что у него появились новые поразительные сведения, которые перевернут наши представления о происходящем. И он готов предоставить их нашему радио на правах эксклюзива за скромную сумму... На этих словах я обидно заржал и повесил трубку, но он тут же перезвонил и согласился, в знак уважения, только для нас, в виде исключения, перевернуть эти представления бесплатно. Эфир был свободен, Малдер забавен, и я согласился.

– Настал день! – пафосно сказал Малдер, привстав со стула, но я показал ему пальцем на микрофон, и он сел обратно. – День, которого мы так долго ждали!

Он пригладил рукой длинные сальные волосы, приосанился и продолжил:

– Представители Космического Разума, прибывшие к нам из глубин Вселенной, назначили своего полномочного посланника! – Он надул щеки, закатил глаза и замолк.

– Дайте-ка угадаю... – сказал я. – Это вы?

Малдер зло покосился на меня – видимо, я своей репли-

кой испортил величие момента.

– Да, Антон, – сказал он с торжеством в голосе. – Именно я! И никто не скажет, что я не заслужил! Вы все смеялись... Теперь все увидят!

Что из-за стекла аппаратной подавал мне странные знаки – ткнул себя указательным пальцем в висок, нарисовал пальцем в воздухе крест и показал на телефон. К чему это? Пристрелить и закопать Малдера? Свежая, не лишённая определенной привлекательности идея. А звонить кому? Что продолжал оживлённую пантомиму, и я сообразил, что он имел в виду красный крест, а не могильный. Мой ассистент решил, что Малдер наконец окончательно тронулся и пора вызывать скорую, пока он кусаться не начал.

Я убрал звук с микрофонов и запустил перебивкой тему из «Секретных материалов» – всегда держу наготове, когда к нам Малдер приходит. Его надо иногда приводить в чувство.

– Вова, блядь! – сказал я с чувством. – И вот с этой херней ты пришел ко мне на эфир?

– Зови меня Малдер! – сверкнул глазами он.

– Да я тебя вообще больше не позову! С табуретки в парке вещать будешь!

– Ладно, ладно! – сдулся Посол Разума. – Антон, я клянусь, мне есть что сказать!

– Вова... Знаю, что нечем, но все же постарайся понять – еще один выбрык, и ты сам выйдешь на околоземную орбиту.

От моего пинка под твой зад.

Я снова вывел звук на микрофоны:

– Итак, дорогие радиослушатели, оказывается, у нас в студии Посланник, посланный лично Космическим Разумом. Не всякий может похвастаться такой удачей! И куда же он вас послал, Малдер?

Неагент злобно сверкал на меня глазами, но сдерживался.

– Жители Стрежева! – сказал он торжественно. – Я уполномочен заявить, что пришельцы из Космоса сочли некоторых из вас достойными включения в великую Пангалактическую Цивилизацию. Для этой цели они наделили меня полномочиями Посланника, и теперь я буду принимать решение о вашей дальнейшей судьбе!

Малдер посмотрел на меня с таким торжеством, что я понял – не жрать мне из летающей посуды. Не вышел я рылом в Пангалактику.

– И за какие заслуги выдают галактический гринкард? – поинтересовался я максимально серьезным тоном.

В конце концов, даже если гость передачи рехнулся в прямом эфире, это не повод ее останавливать. Шоу маст го он.

– Только настоящие люди достойны великой судьбы! – гордо сказал Малдер.

Он достал из кармана какую-то мелкую овальную штучку, навел на меня и нажал кнопку. На вид она была точь-в-точь как пульт от ворот и, возможно, им и являлась. Штучка ме-

лодично блыmkнула и моргнула зеленым.

Малдер почему-то очень удивился и тихо выругался – я, почувствовав, что что-то снова пошло не так, на всякий случай опять запустил перебивку. Он потряс свою машинку, постучал по ней пальцем, зачем-то пристально глядя на светодиод.

– Пацак или чатланин? – спросил я с интересом, но Малдер посмотрел на меня пустыми глазами.

Здесь никто не понимает цитат. Он навел пульт на Чото, тот противно пискнул и моргнул красным.

– Ку! – не удержался я, жалея, что у меня нет в базе музыки Гии Канчели²⁸. – Гравицапа полкэцэ стоит!

Чото за стеклом ржал как ненормальный, но Малдер только тряс пульт и бормотал: «Не может быть!» Наконец он навел его на себя, нажал – снова приятный «блыmk» и зеленый огонек. Малдер убрал пульт и задумался.

– Можно ознакомиться с верительными грамотами посланника? – Я вернул в эфир микрофоны. – Мы, мол, нижеподписавшиеся пришельцы, поручаем нашему представителю, вышеупомянутому...

– Оставьте для пещерных людей эти атавизмы! – отмахнулся задумчивый как никогда неагент. – Вы еще паспорта у них проверьте!

– Ладно, как они хоть выглядят-то? – вздохнул я с досадой. Давно у меня не было такого дурацкого эфира. – Кото-

²⁸ Композитор, написавший музыку к фильму «Кин-дза-дза!».

рые к нам прилетели? Серые пучеглазые, маленькие зеленые или рептилоиды с Нибиру?

– Да какая разница? – искренне удивился Малдер.

Наверное, ему действительно было все равно. А я вот никогда не доверял рептилоидам.

Этот балаган хотелось побыстрее закончить. Не знаю, морочит Малдер нам голову или правда подвинулся невеликим своим умишком, но в студию он теперь попадет только через мой труп. Это уже не смешно.

– Сегодня! – возвестил меж тем Малдер. – Сегодня в десять часов вечера на площади Героев Литосферы их корабль примет на борт достойных! Мир перевернется для нас...

– ...Поэтому держитесь крепче за свой диван! – прервал его я. Время эфира наконец закончилось. Я снова пустил тему из «Секретных материалов» и с облегчением выключил микрофон.

– Ну, Малдер, ты отжег сегодня... – сказал я устало. – Тебе, может, правда врачу показаться?

– В десять часов! – сказал он упрямо. – В десять часов вечера на площади!

– И что будет? Приземлится блюдце, выйдет Принцесса Галактики о пяти сиськах и скажет: «Я так ждала тебя, Вова»?

– Увидишь! – Малдер встал и решительно направился к выходу.

– Знаешь, Вова... – окликнул я его. Он остановился и нетерпеливо посмотрел на меня. – Я не знаток межпланетного дипломатического протокола, но ты бы хоть голову, что ли, помыл...

Малдер оскорбленно развернулся и, выходя, попытался хлопнуть дверью – но доводчик помешал. Пришлось ему возмущенно топтать ботинками по лестнице.

– Кстати, дорогие радиослушатели, настоящий День космоса – двенадцатого апреля. В этот день в Риме начался процесс над Галилео Галилеем. В течение одного процесса он полностью раскаялся и признал, что еретическая мысль, будто «Солнце, а не Земля находится в центре мира» была внушена ему дьяволом. Так ложные измышления всяких подозрительных проходимцев в очередной раз разбились о незыблемый хрусталь небесного свода!

А у нас – музыка на «Радио Морзе»!

...Put a lid on it

What's that you say?

Put a lid on it

Oh man, no way

Put a lid down on it, and everything will be all right...²⁹

²⁹ Прекратите эту хрень! Что ты несешь? Прекратите эту хрень, Бля, чувак, не надо! Заканчивайте этот бред, и все будет хорошо! *Squirrel Nut Zippers – Put a Lid on it.*

Я откинулся на стуле и задумался. Сходить, что ли, посмотреть, как Малдер опозорится? Или ну его? Как по мне, люди ждут инопланетян только для того, чтобы получить внешнее определение себя, созданное снаружи определяющей системы. Прилетят такие братья по разуму и скажут нам наконец: «Человек – это ...». Чтобы услышать в ответ: «Кто ...? Это мы-то ...? Да сам ты... чудило зеленое! Садись в свою тарелку и уйопывай на йух, хрен с ушами!»

Так произойдет чудо взаимной идентификации. Мы будем знать, что мы – ... а инопланетянин – что он хрен с ушами...

В кармане завибрировал телефон, пришлось выйти в коридор. Мне почти никогда не звонят «голосом», и правильно делают – вдруг я в эфире, а звук забыл отключить? Номер был незнакомый.

– Внимательно! – сказал я, приняв звонок.

– Антон Эшерский? – Голос в телефоне был женский, но какой-то казенный.

– У аппарата.

– Вам назначено на двенадцать ровно. Восьмой кабинет.

– Э?..

– С собой иметь документ, удостоверяющий личность.

– Зачем?

– Чтобы зарегистрироваться на проходной, разумеется! – раздраженно ответил голос.

– Проходной куда?

Голос сказал куда, и я понял, что придется идти.

На улице Борцов с режимом, дом два, располагалось Око Государево – областное управление Службы безопасности, называемое в народе «Серый дом». Наверное, потому, что это был именно дом и именно серый. Больше в нем не было ничего примечательного, кроме боковой дверцы с табличкой «Прием граждан круглосуточно». Мне было не в дверцу, а в центральный вход, за массивными деревянными дверями которого располагались турникет и строгий дядя в форме.

– Мне в восьмой кабинет, – сказал я ему.

– Фамилия?

Я назвал фамилию.

– Паспорт!

Я показал паспорт. Форменный дядя записал меня в большую амбарную книгу и дал расписаться в книжке поменьше.

– Второй этаж направо. Не забудьте потом получить пропуск на выход.

Ну, по крайней мере, он предполагает, что я отсюда выйду.

На двери кабинета не было никакой таблички, только небольшая бронзовая цифра восемь. Я деликатно постучал по толстой дубовой створке, но звук вышел настолько неубедительный, что пришлось просто толкнуть ее и войти.

– Можно?

– Заходите.

За массивным столом с несколькими телефонами и традиционной лампой зеленого стекла сидел мужчина в штатском. Средних лет, первые робкие залысины по краям лба, атакующими клиньями прорезавшие поле будущей битвы с плешью, очки в тонкой стальной оправе, серый, слегка помятый костюм без галстука, лицо скорее приятное и, во всяком случае, неглупое. Располагающая внешность.

Столешница перед ним была пуста, за исключением единственной папки со скоросшивателем в обложке из бежевого картона. Непривычно в наше время видеть стол без компьютера.

– Антон? – спросил он с утвердительной интонацией, заглянув в папку. – Присаживайтесь.

Я уселся на стул, оказавшись напротив.

– Зовите меня Александр Анатольевич.

– И вы придете?

– В смысле? – Он поднял глаза от папки.

– Обычно кого-то зовут для того, чтобы он пришел, – пояснил я.

– Нет, вряд ли, – ответил он, подумав. – Лучше вы к нам.

Итак, – глаза его вернулись к папке, – Антон Эшерский, угу... родился, учился... служил... опять учился... работал... даже так? Хм... Интересная вы личность, Антон.

– Это запрещено?

– Ни в малейшей степени, – ответил предполагаемый Александр, он же, вероятно, Анатолевич.

– Ну что же, Антон, – вздохнул он наконец, закрывая папку, – давайте побеседуем.

– С какой целью, позвольте поинтересоваться?

– Зачем люди обычно беседуют? Чтобы лучше узнать друг друга.

– Я, признаться, не собирался вас узнавать.

– А вы и не узнаете, – обнадежил меня собеседник. – В силу моего служебного положения это будет несколько односторонний процесс.

– Меня в чем-то обвиняют?

– Боже упаси! Вы, Антон, путаете – обвиняет прокуратура.

– Тогда подозревают?

– Не более, чем любого другого.

– Тогда зачем я здесь?

– Просто подошла ваша очередь, – улыбнулся мне Александр Анатолевич. – Расскажите, пожалуйста, как можно подробнее, как прошел ваш самый первый день тринадцатого июля.

– Вы что, вообще всех так опрашиваете? – поразился я.

– А что вас так удивляет? – пожал плечами мой собеседник. – Что мы ищем причины? Это, простите, наша работа. Или что мы проводим для этого тотальный опрос? Разумеется, это не единственный метод, но и пренебрегать им тоже

было бы, согласитесь, странно. Мы предполагаем, что в тот день произошло нечто, послужившее причиной дальнейших событий. Скорее всего, это происшествие не было замечено, или не показалось важным, или было неправильно интерпретировано. Тем не менее один человек заметил это, другой – то... Вот так, постепенно, складывается, как из мелкой мозаики, полная картина того дня.

– Но это же прорву времени занимает!

– А спешить нам, Антон, как раз совершенно некуда!

Итак?

Глава 8

Неотразимая привлекательность ЭЛИТО-СОЛИПСИЗМА

– Доброе утро, город! С вами «Радио Морзе» и Антон Эшерский! Сегодня тринадцатое июля, четверг, и до пятницы – святого дня офисных страдальцев – осталось терпеть всего сутки. Сегодня на нашем настенном календаре отличный праздник – День семейных трусов!

Семейные трусы – воплощение традиционных ценностей общества. Мужик в семейниках – это вам не нервный юноша в поисках секса. Он уже все себе нашел.

Семейные трусы – символ мужской верности. Если ваш муж ходит в семейных трусах – можете быть спокойны, штаны он снимает только дома.

Семейные трусы – символ гетеросексуальности. Мужик в семейниках может быть кем угодно, но не геем.

Семейные трусы – символ мужской свободы. Того, что этим прекрасным вечером будут только пиво, диван и телевизор.

Ну и, конечно, можно спокойно почесывать...

– Простите, – перебил меня Александр Анатольевич, – давно хотел спросить. Вы же выдумываете эти ваши празд-

ники?

– Иногда, – признался я. – Трудно было вдохновиться «Днем государственности Черногории» и «Днем сотрудников органов национальной безопасности Казахстана». Извините, ничего не имею против ваших коллег, но...

– Ничего-ничего, продолжайте, пожалуйста.

– В эфире программа «Антонов огонь», и в студии у нас сегодня новый гость – Аполлион Адимус, учитель искусства реальности! Здравствуйте, Мастер!

Небрежно развалившийся на стуле крохотный пузатенький человечек с лицом злого младенца гордо кивнул и важно задрал курносый носик, но потом сообразил, что перед ним не камера, а микрофон, и соизволил открыть рот:

– Я приветствую слушателей, – казалось, что он при таком росте будет пищать, как мышь, но у него оказался неожиданно глубокий и мягкий, обволакивающий голос. – Вам сегодня удивительно повезло. Вселенная дает вам уникальный шанс услышать правду об устройстве мира. Если вы его не упустите, ваша жизнь навсегда изменится.

«Мастер» заметно наслаждался звуками своего голоса. Маленькие колючие глазки его затуманились, стали масляными и расфокусировались, морщинистое личико разгладилось и преисполнилось блаженства. Он будто дрожил, а не говорил, услаждая себя собственной речью. Я понял, как этот недомерок, которого хочется прихлопнуть тапкой, ухитряет-

ся брать за свои лекции очень приличные деньги.

– Большинство из вас живет в навязчивой неприятной иллюзии. Эту иллюзию принято называть «окружающий мир», и люди бесконечно борются с ней, тратя все свои силы и энергию – да что там, тратя всю свою жизнь! – на то, чтобы что-то получить от холодной равнодушной Вселенной. Вы бьетесь от рождения до смерти, выгрызая крошечку уюта, капельку денег, огрызок любви, вы знаете, что жизнь – борьба. От первого крика новорожденного до последней судороги предсмертной агонии – борьба. Вы вопиете в небо: «Проклятая Вселенная! Жестокий Бог! Дайте же нам хоть что-нибудь, мы так изнемогли в этой бесконечной битве! Наши тела изнашиваются и стареют, наш мозг устает, наши чувства рвутся и кровоточат! И в конце концов мы умираем – а что нам еще остается?» Но Вселенной все равно, а Бога нет, и вам никто не ответит. Никто, кроме меня!

Я смотрел на неприятного человечка с возрастающим уважением – он действительно умел срать в мозги. Это вам не «Иисус любит вас, аллилуйя», это высокий класс. Голос его то возносился вверх, звеня колоколом призывного набата, то опускался вниз, шурша бархатом сладких обещаний. Да он чертов гений!

– Так слушайте же меня! Я открою вам правду. Вы боре-

тесью сами с собой. Враждебная Вселенная, чужие злые люди существуют только потому, что вы так решили. Этот злой равнодушный бог – вы сами. Вам будет трудно поверить – но на самом деле на свете очень мало людей. Настоящих людей. Приглядитесь к окружающим. Внимательно, тщательно, осознанно приглядитесь. Смотрите – это не люди, это функции. Функция продавца, функция таксиста, функция бармена или дворника. Это *пуклы*! Дутые фигуры без содержания! Вам никогда не казалось, что кассирша в супермаркете существует только здесь и сейчас? Что, как только вы вышли за дверь, она пропадает вместе со своей кассой, очередью к ней, с охранниками, сканерами и корзинами для товара? Что нет для нее никакого другого места в вашей Вселенной, кроме этого? Неужели вам в голову никогда не приходила такая мысль? Если приходила – поздравляю, вы не безнадежны. Реальности иногда удается достучаться до вас. Скептик воскликнет: «Ага, вот я вас и поймал! Ведь если я познакомлюсь с этой кассиршей поближе, то окажется, что она разведена, растит сына-балбеса, у нее крохотная квартирка в бесконечной ипотеке, облезлый больной кот, ободравший обои в прихожей, шумные соседи, вечно включенный фоном телевизор и постель в пошлых розочках, в которую ее, при некоторой настойчивости, можно завалить, получив ненужный опыт скучного секса с неумелой имитацией оргазма и дав ей ложную надежду на продолжение отношений...» Да, дорогие мои, так все и будет. Но только при условии, что

вы этого захотите, – отношений, общения, секса наконец. Ваше внимание наполнит пуклу, даст ей протяженность во времени, историю, прошлое, антураж и интерьер. Сына-двоечника, больного кота и бросившего ее, даже не разбудив в ней женственности, мужа. Если вы захотите уделить ей еще немного вашего внимания – у нее возникнут родственники. Какая-нибудь мама в деревне, к которой надо ездить осенью копать картошку, беспутная сестра, которую бьет муж-пьяница, но та все равно смотрит на нее свысока, потому что хоть какой, а все же муж... Вы даже можете на ней жениться и посвятить ей свою жизнь – и она будет почти как настоящая. Такая же, как у других. Но если вы не заговорите с ней через ограждение кассы, а, пробив чек, отвернетесь и пойдете к выходу – ничего этого не будет. И хорошо – незачем оживлять пуклу, ведь вам придется потом ее кормить. Кормить собой – пуклы не едят ничего, кроме людей, медленно высасывая жизнь через острую трубочку привязанности.

Аполлион разошелся вовсю – глаза его были полузакрыты, он раскачивался на стуле и вдохновенно вещал. Вот для кого уж точно не существовало ничего, кроме него и его голоса.

– Когда вы боретесь с жизнью, вы играете сами с собой в солдатики – назначаете врага, придумываете правила, вызываете себя на бой, отважно сражаетесь – и запросто може-

те проиграть. Даже погибнуть можете – ведь вы всесильны в своем мире. Но поймите – вы вовсе не обязаны играть в эту игру. Все эти люди, которые мешают вам, противодействуют, не дают желаемого, – это пуклы, ваш выдуманный противник. Можно выдумать противника сильнее себя и погибнуть в борьбе с ним, но зачем? Это лишь модели, которые развивали вас – давали вам чувства и эмоции, показывали, как работает злость, агрессия, обида, отчаяние. Хватит! Вы уже научились! Пора взрослеть! Придумайте новые правила – и пуклы будут делать то, что вы захотите. Ведь это просто персонализации функций, которыми их наделили вы. Бросьте надоевшую игру «Я неудачник», вы уже извлекли из нее весь необходимый опыт, начните игру «Это мой мир!». И вы удивитесь, как легко и приятно жить в мире, подчиняющемся вам! Вы не раз смотрели на успешных людей, сетуя: «Почему им все дается так легко?» А ведь ответ прост – потому что они решились играть по своим правилам. Перестаньте жить среди унылых декораций, осознайте, что вы боитесь теней, которые отбрасываете сами...

– Откуда вообще взялся этот «великий учитель»? – спросил Александр Анатольевич. – Не сам же он к вам на эфир пришел?

– Ну как же, это модный гуру сезона! – пояснил я. – Он брал за свои лекции так много, что не пойти на них было равнозначно признанию в нищеводстве. Все, кто имел пре-

тензию считать себя городской элитой, к нему просто ломились. А самые глупые и богатые заказывали его лекции для корпоративных тренингов. На выступлениях он, по слухам, творил умеренно убедительные чудеса – легко угадывал, кто с кем в каких отношениях, указывал на неожиданные связи между людьми и событиями и даже иной раз давал практические советы по вопросам бизнеса. Но ничего такого, что нельзя узнать из слухов.

На радио его притащил Кешью... То есть Андрей Андреевич Кеширский, простите. Еще и накрутил мне хвост: «Ерничество – отставить! Называй мастером, говори уважительно! А то знаю я тебя...» Подозреваю, что у них вышел отличный взаимозачет, – Кеширский нарисовался среди богемы причастностью к высшим сферам, а гуру получил халявную рекламу.

– Любопытно... И что там дальше было с этим «великим учителем»?

– На эфире или вообще? На эфире он ловко втер про свою публичную лекцию, на которую просто обязан прийти всякий настоящий человек, если он не считает себя пуклой. Так-то он, понятное дело, общается только с духовно просветленными (то есть с обладателями капитала не менее, чем...), но в этом городе его приняли так хорошо, что он сделает исключение. Лучшие люди города попросили его (и, надо полагать, скинулись на этот цирк), так что цена билета, при условии предоплаты, будет доступна любому горожанину...

А после эфира я его не видел.

– И многие к нему на лекцию собрались?

– Откуда мне знать? Я бы туда не пошел, даже если бы мне приплатили. Не люблю жуликов. Но думаю, многие. Во-первых, модно, во-вторых, престижно, а в-третьих, он говорил вещи, лично им чертовски приятные, – мол, если ты богатый и успешный, то ты и есть настоящий человек. Да что там, ты практически бог, а остальные только пуклы – декорации для твоей крутизны. Можешь делать с ними что хочешь, они не настоящие. «Гуру для богатых» сейчас в тренде. Человек, который за деньги рассказывает богатеям, что они на самом деле хорошие, а вовсе не жадные ушлепки, как все про них думают, и сами они в глубине души знают. Объясняет, что всякое богатство заслуженно и почетно, а не просто папа ларьки крышевал и на паленой водке поднялся...

– Вы, Антон, всех гуру считаете жуликами?

– «Говорящий не знает, знающий не говорит», – процитировал я.

– Хорошо сформулировали.

– Это Лао-цзы, – и этот не ловит цитат, что ты будешь делать.

– То есть вас его учение не впечатлило?

– Миллион первый способ разделить людей на элиту и быдло? Нет. Мне всегда были малоинтересны все эти буддо-солипсистские загоны: «Ум есть страдание, но нет того,

кто страдает, и ума тоже нет...» Бессмысленный умственный онанизм, где, в полном соответствии с концепцией, нет ни того ума, который дробит, ни того члена, который дробят. Способ извернуться внутри себя так, чтобы взглянуть на мир из собственной жопы. Нетрудно догадаться, что увиденное вас не порадует, так стоит ли проделывать этот гимнастический опыт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.